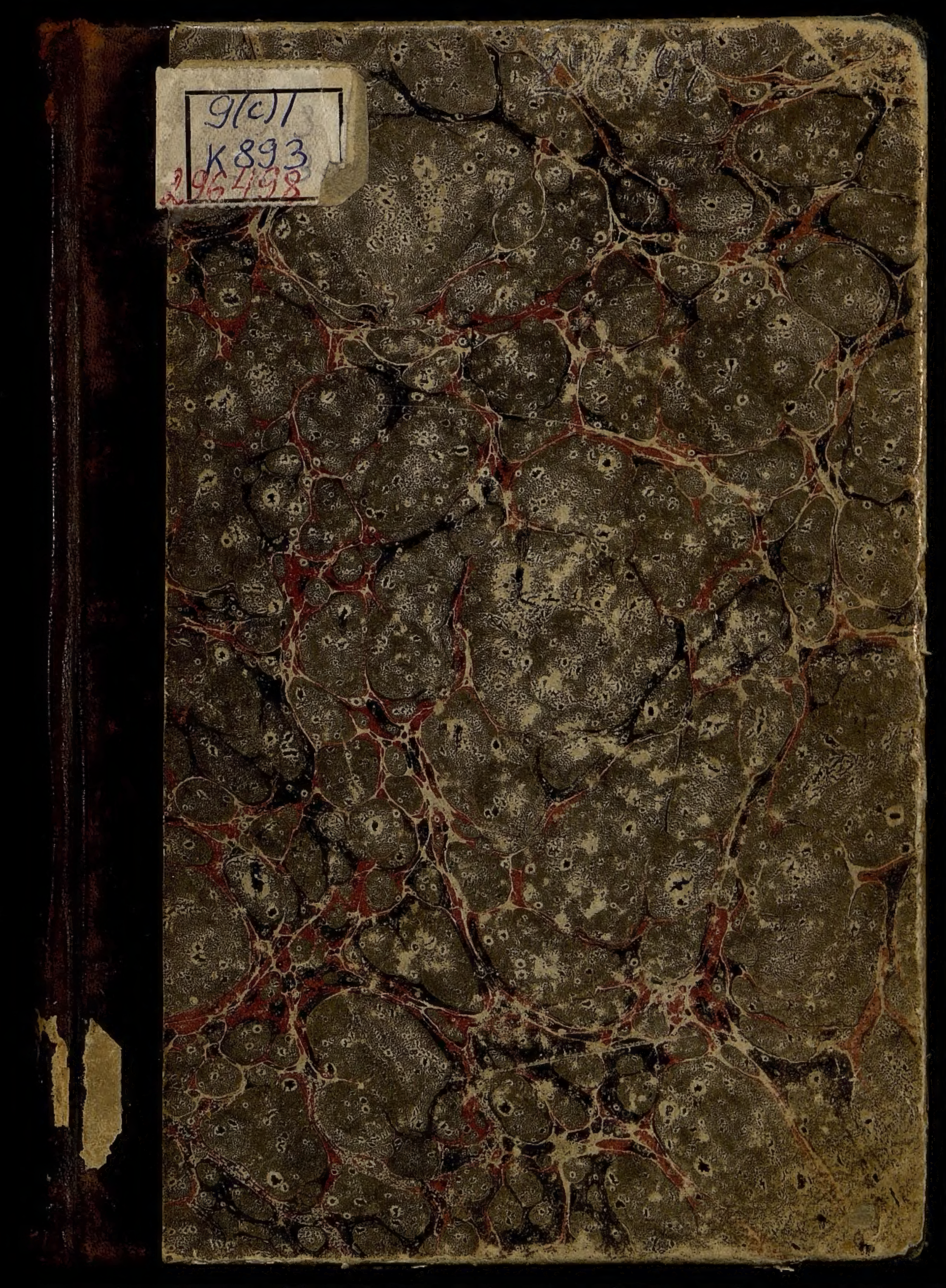
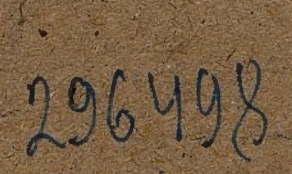
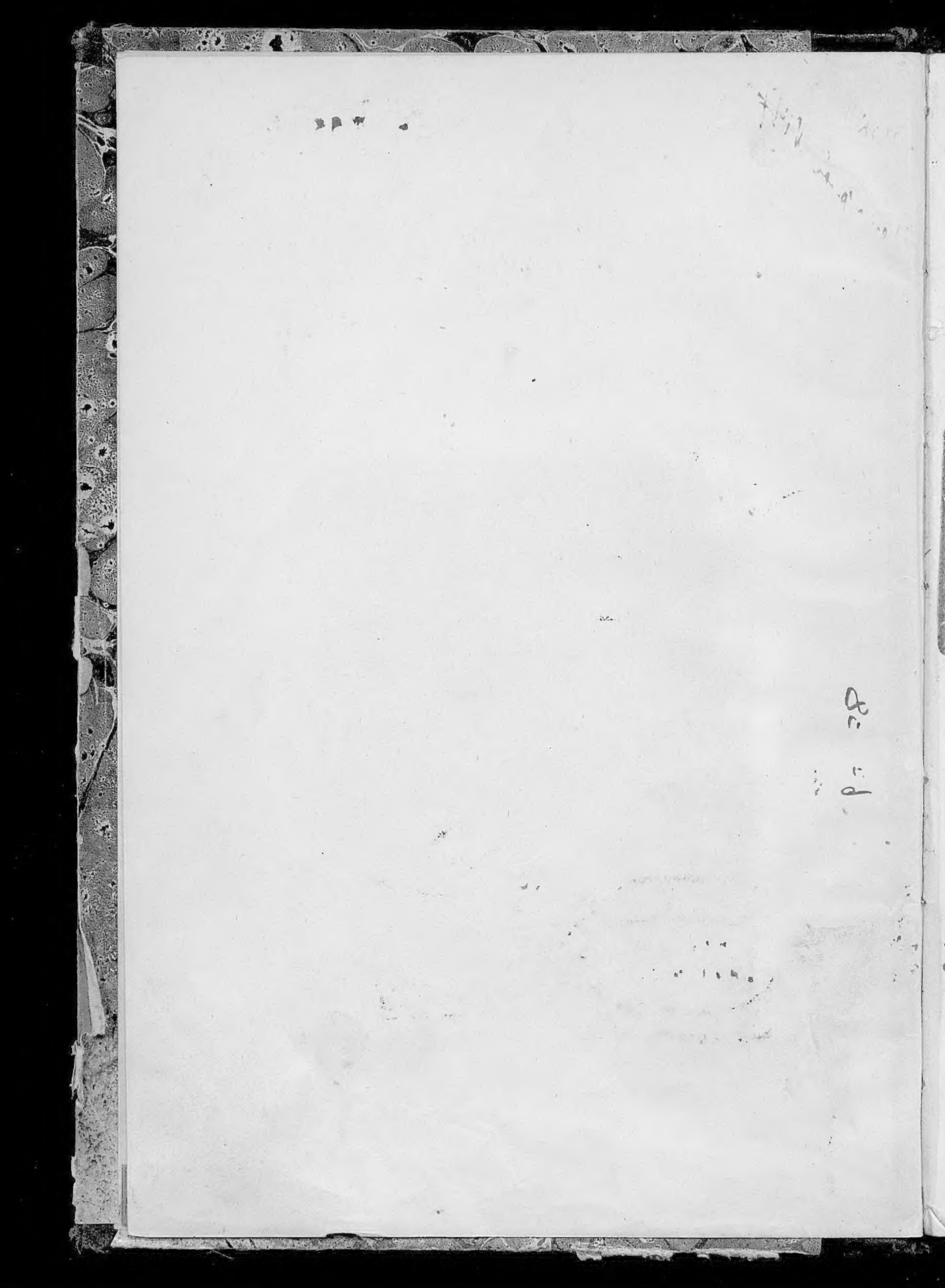

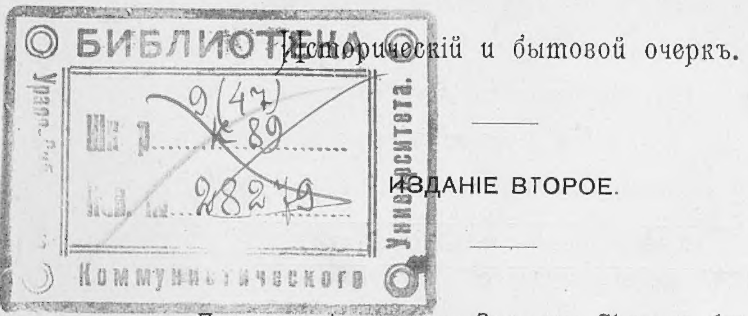
296498

А. Кузьминъ.

ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ.

Историческій и бытовой очеркъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Происхожденіе казачества. Запорожье. Сѣчь и ея обитатели. Морскіе походы. Унія. Угнетеніе народа. Возстанія. Освобожденіе Украйны. Богданъ Хмельницкій. Паденіе Запорожской Сѣчи. Задунайскіе запорожцы.

Цѣна 40 коп.

1-е изданіе Особымъ Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народн. читаленъ и библіотекъ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина А. Д. Карчагина.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 10 іюля 1904 г.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименов. ул., соб. д.
1904.

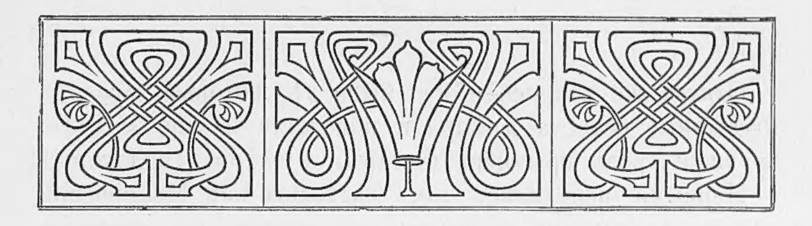
Настоящій очеркъ, не претендуя на новизну сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, имѣетъ цѣлью дать въ небольшомъ и общедоступномъ изложеніи возможно полное ознакомленіе съ исторіей и бытомъ „Запорожской Сѣчи“.

При составленіи очерка главными пособіями служили сочиненія, статьи, монографіи и описанія: Д. Эварницкаго, Н. Костомарова, М. Максимова, Боплана, Маркевича, Мордовцева, Щебальскаго, Гоголя, Шевченка и друг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

— „За работу дитки, до брони!“
— „За виру и Сичъ-мàти!“

Слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ XVI-го столѣтія, граница Московскаго царства начиналась на западѣ около Пскова, шла на Смоленскъ, Орелъ, а затѣмъ поворачивала на востокъ, доходя примѣрно до города Хвалынска, что на Волгѣ.

Къ западу отъ Смоленска лежало королевство Польское, а къ югу шли прекрасныя земли Украйны (Малороссіи); Крымъ, Кавказъ и все побережье Чернаго моря было подъ властью исконныхъ враговъ нашихъ: Турокъ и Татаръ.

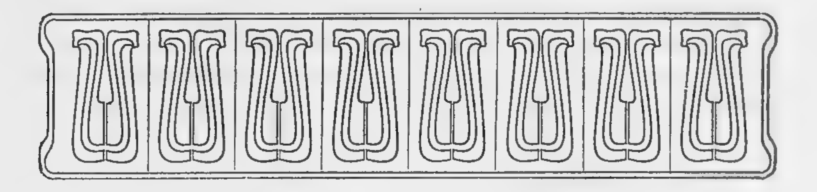
Необъятныя степи, лежащія на югѣ Украйны, простирались до самаго Чернаго моря; онѣ были пустынны и дики; только звѣрь разный да птица водились въ нихъ; страхъ отъ набѣговъ татаръ, разоряющихъ селенія и уводящихъ въ полонъ жителей ихъ, не позволялъ селиться тамъ и обрабатывать богатую землю. Только на островахъ Днѣпра, ниже его пороговъ, кипѣла жизнь ключомъ: то была знаменитая «Запорожская Сѣчь».

Откуда же взялись и кто были тѣ, которые заселили пустынные острова Днѣпра и положили начало «Сѣчи», будущей грозѣ крымцевъ (татаръ) и ляховъ (поляковъ)?

Первыми поселились тамъ выходцы изъ Малороссіи, истинные сыны ея, плоть отъ плоти, кость отъ кости ея, а за ними ужъ и бѣглые хлопы изъ польской Украйны.

Чтобы вполнѣ разъяснить, какія причины вызвали возникновеніе Запорожской Сѣчи, мы должны начать издалека.

I.

Происхожденіе казачества. Запорожье.

„И пиду я одружуся
Зъ моимъ вирнымъ другомъ—
Та зъ Великимъ Лугомъ.
На Хотрици у матери
Буду добре жити,
У оксамити ходити
Меди-вина пити!“
. . . .
Шевченко.

Со времени княженія Владиміра Великаго русскіе владѣли землями по обѣ стороны Днѣпра, имѣя своимъ стольнымъ (главнымъ) городомъ Кіевъ; но нашествіе татаръ, полонившихъ Россію въ XIII-мъ вѣкѣ и утвердившихся въ степяхъ южной Россіи, обезлюдили нѣкогда богатыя земли Украйны; Кіевъ былъ разоренъ, митрополитъ русскій переселился изъ него въ Владиміръ на р. Клязьмѣ, большинство русскихъ князей съ дружинами бѣжали туда же или на западъ. Слишкомъ 70 лѣтъ народъ русскій терпѣлъ татарское иго и такъ обезсилѣлъ, что въ 1320 году литовцы легко овладѣли всей Украйной.

Литовцы были бѣдный и небольшой народъ, жившій въ нынѣшнихъ Ковенской и Гродненской губерніяхъ, въ то время покрытыхъ дремучими лѣсами и болотами; эти-то лѣса и болота спасли литовцевъ отъ татаръ и дали имъ возможность окрѣпнуть.

Литовцы сначала были язычники, но потомъ постепенно переходили въ православіе, усваивали языкъ и обычаи русскихъ; князья литовскіе женились на русскихъ княжнахъ, а потому народъ русскій привыкъ смотрѣть на нихъ и на дѣтей ихъ какъ на своихъ, а тѣ въ свою очередь не считали себя для народа чужими. Дань платили русскіе литовцамъ малую, судились и управлялись по своимъ обычаямъ; когда нападали татары, литовцы и русскіе отбивались отъ нихъ сообща. Вообще подъ литовскимъ владычествомъ русскимъ жить было лучше, чѣмъ подъ игомъ татаръ; но это продолжалось не долго: въ 1386 году великій князь литовскій Ягелло женился на польской королевѣ Ядвигѣ и принялъ католическую вѣру; княжество Литовское и королевство Польское соединились подъ одною властію.

Сама Польша была невелика, а потому полякамъ хотѣлось воспользоваться землями литовскими, но сразу этого сдѣлать было нельзя, т. к. Литва была княжествомъ отдѣльнымъ и управлялась своимъ обычаемъ и закономъ; но вскорѣ великіе князья литовскіе, они же короли польскіе, стали заводить на Литвѣ и Руси порядки польскіе.

Въ самой же Польшѣ порядки были таковы, что страной правилъ на самомъ дѣлѣ не король, а шляхта (дворянство).

Было уже сказано, что много князей русскихъ съ дружинами бѣжало отъ татаръ на западъ, стало быть и въ Польшу; дружинники впослѣдствіи превратились на Руси въ бояръ, а въ Польшѣ въ шляхту, и такъ она сильна стала здѣсь, что король принужденъ былъ поступать по ея желанію, тѣмъ болѣе, что королей выбирала сама шляхта при помощи сейма.

Сеймомъ называлось собраніе выборныхъ отъ шляхты; въ сеймъ попадали лишь самые вліятельные и богатые изъ нея; сеймъ издавалъ законы и, конечно, такіе, которые были удобны и желательны для пановъ (шляхты).

Благодаря сейму паны получили исключительное право имѣть крѣпостныхъ, строить крѣпости, лить пушки, казнить смертію своихъ хлоповъ (крѣпостныхъ); многіе магнаты (знатные паны) были такъ богаты, что ихъ помѣстья представляли изъ себя дворцы, вооруженные какъ крѣпости пушками и охраняемые собственными войсками «хоругвями», набранными изъ бѣдныхъ шляхтичей, и командами «жолнеровъ»—конницы, набранной изъ русскихъ, но одѣтой по нѣмецкому образцу.

Магнаты не признавали ничьей власти, даже короля, и дѣлали въ своихъ земляхъ все, что имъ только было угодно.

Сказано уже, что поляки поглядывали съ завистью на богатыя земли княжества литовскаго, желая прибрать ихъ въ свои руки и завести тамъ свои порядки.

Первое, что нужно было сдѣлать для этого, заключалось въ уничтоженіи Литовскаго княжества, какъ отдѣльнаго государства; несмотря на противодѣйствіе многихъ русскихъ дворянъ, понимавшихъ, чего добиваются поляки, въ 1569 году, съ согласія короля, на Люблинскомъ сеймѣ была введена политическая унія, т.-е. соединеніе Польши и Литовскаго княжества въ одно государство, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что Литва и Русь соединятся съ Польшей, «какъ равные съ равнымъ и вольные съ вольнымъ».

Поляки обманули; Люблинская унія была первымъ шагомъ къ тому, чтобы Литву и Русь ополячить; польская шляхта стала перебираться въ Украйну, гдѣ селилась на выпрошенныхъ у короля земляхъ, раздаваемыхъ имъ въ награду за службу; литовскіе и русскіе дворяне, желая получить права шляхты и во всемъ сравняться съ нею, стали переходить въ католичество. Этому способствовало отчасти то, что всѣ школы, въ которыхъ обучались дѣти дворянъ, захватили въ свое вѣдѣніе католическіе монахи-іезуиты и разными способами совращали юношей въ католичество; дѣти дворянъ, принявшихъ католичество, стали уже настоящими шляхтичами, ихъ тянуло къ полякамъ,

и вскорѣ такихъ русскихъ дворянъ нельзя было отличить отъ коренныхъ поляковъ.

Весь простой народъ русскій остался непоколебимъ въ вѣрѣ и языкѣ отцовъ своихъ, и ничто не могло его заставить перейти въ католичество и говорить по-польски.

Исподволь на Украйнѣ стали прививаться польскіе порядки, въ числѣ ихъ и крѣпостничество; не прошло и нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ русскій народъ увидѣлъ себя въ горчайшей кабалѣ; разница въ вѣрѣ и языкѣ пана и хлопа уничтожила прежнюю близость между ними, они стали чужды другъ другу.

Панъ-католикъ, живя на счетъ своихъ хлоповъ, не жалѣлъ ихъ, какъ «схизматиковъ» (еретиковъ), выжималъ изъ нихъ всѣ соки и звалъ ихъ не иначе какъ «быдломъ», т.-е. скотомъ.

Тяжела и горька была жизнь хлопа у пана, особенно въ тогобочной Украйнѣ (правобережной), а потому много стало убѣгать ихъ на востокъ и на Низъ *), гдѣ они, если только не были перехвачены въ дорогѣ, превращались въ вольныхъ казаковъ.

«Казакъ» по-татарски значитъ бродяга, наѣздникъ, вольный воинъ; это названіе появилось давно, такъ называли вольныхъ жителей лѣвобережной Украйны, которые плавали внизъ по Днѣпру за рыбою и затѣмъ продавали ее въ Кіевѣ и другихъ городахъ.

Со времени присоединенія Руси къ Польшѣ эти смѣльчаки стали набираться старостами изъ королевскихъ мѣстечекъ и волостей или сами собирались въ шайки и выбирали себѣ предводителей. Ловля рыбы въ низовьяхъ Днѣпра, въ сосѣдствѣ съ татарами, часто оканчивалась кровавыми стычками съ ними, а потому эти рыболовы въ то же время должны были быть воинами, отчего стали называться казаками.

*) „Низомъ“ называлось Запорожье, лежавшее за Днѣпровскими порогами.

«Казаковать» на Низу ходили главнымъ образомъ жители Черкасъ и Канева, какъ ближайшіе къ рѣкѣ; эти два города и были мѣстомъ, изъ котораго впослѣдствіи разошлось казачество по всей Украйнѣ.

Частые набѣги татаръ заставили сначала самихъ жителей, а потомъ и польское правительство, принять мѣры къ правильному устройству казачества; между предводителями и устроителями казачества замѣчательны: князь Дмитрій Вишневецкій и Евстаѳій Дашковичъ, прозванный «знаменитымъ казакомъ».

По его просьбѣ король пожаловалъ казакамъ приднѣпровскія земли, а потому эти казаки и стали называться приднѣпровскими, въ отличіе отъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставались иногда зимовать на Низу, за порогами Днѣпра и назывались «запорожскими».

Казаки черкасо-каневскіе (днѣпровскіе) и запорожскіе были освобождены отъ многихъ повинностей, но зато на нихъ была возложена обязанность защищать границы Украйны отъ татарскихъ набѣговъ. Для этой цѣли днѣпровскіе казаки были раздѣлены на полки и сотни; полки назывались по городамъ, сотни—по мѣстечкамъ и слободамъ; полками командовали полковники, а надъ всѣми вообще казаками — общій начальникъ, «гетманъ войска запорожскаго».

Казаки обязаны были держать въ степи «варту», т.-е. линію сторожевыхъ постовъ, чтобы извѣщать Украйну о набѣгахъ татаръ. Варта далеко выдвигалась въ степь и располагалась на курганахъ (холмахъ); какъ только показывались татары, на вартѣ зажигался большой костеръ; этотъ сигналъ принимался на слѣдующей вартѣ и такъ далѣе, вплоть до пограничныхъ селеній.

Съ ужасомъ смотрѣлъ народъ на мигавшіе, какъ громадныя звѣзды, огни сторожевыхъ постовъ. «Татары идутъ, татары!» — быстро расходился этотъ слухъ по Украйнѣ; женщины и дѣти спѣшили въ города или скрывались въ

глухія мѣста; домашній скарбъ и скотъ прятали въ лѣсахъ и оврагахъ; мужчины вооружались и садились на коней, спѣша къ сборнымъ мѣстечкамъ.

Такъ готовилась Украйна къ встрѣчѣ врага.

Вначалѣ польское правительство не дѣлало различія между черкасо-каневскими и запорожскими казаками, даже покровительствовало послѣднимъ, находя выгоднымъ имѣть на отдаленнѣйшихъ границахъ государства добровольную и храбрую стражу. Такъ, на Городенскомъ сеймѣ, въ 1522 году, Дашковичъ предложилъ даже днѣпровскіе острова застроить крѣпкими замками (крѣпостями) и постоянно держать тамъ стражу въ 2000 пѣшихъ и 400 конныхъ казаковъ; его предложеніе принято было съ сочувствіемъ.

Однако отношенія польскаго правительства къ запорожскимъ казакамъ скоро измѣнились: запорожцы не упускали случая разбить татарскій улусъ и напасть на ханскія земли, а татары за это отомщали вторженіемъ въ Украйну. Польша неоднократно жаловалась хану на набѣги татарскихъ отрядовъ, а тотъ отвѣчалъ на это просьбою усмирить запорожцевъ; напрасно польское правительство приказывало гетману войска запорожскаго обуздать запорожцевъ: эти часто не хотѣли признавать его власти надъ собою, пользуясь отдаленностью и недоступностью Запорожья, а вскорѣ совсѣмъ перестали считать себя даже подданными Польши, называя себя «вольными казаками», и начали укрывать у себя всякихъ бѣглецовъ изъ Польши и Украйны.

Дѣло въ томъ, что при набѣгахъ татаръ часто заставляли выходить въ поле и мѣщанъ; имъ было это тяжело, т. к. хозяйство сильно страдало отъ продолжительныхъ отлучекъ и нужно было расходоваться на коня и вооруженіе. Мѣщане не могли не видѣть преимущества казаковъ, которые не только были освобождены отъ различныхъ повинностей и не терпѣли притѣсненій отъ королевскихъ старостъ, но и пользовались почетомъ какъ воины, под-

вергавшіе свою жизнь опасностямъ для защиты мирныхъ жителей. Мѣщане уходили на Низъ, а возвратившись оттуда, считали и называли себя вольными казаками и не хотѣли больше слушаться королевскихъ старостъ.

Такимъ путемъ казачество разрасталось и могло сдѣлаться опаснымъ для самой Польши; поляки рѣшили положить конецъ этимъ переходамъ: былъ составленъ списокъ-реестръ казаковъ, и въ него было занесено всего лишь 6000 человѣкъ, которые стали называться реестровыми казаками.

Ограниченіе перехода въ казаки реестромъ послужило впослѣдствіи основаніемъ для многихъ смутъ и неурядицъ на Украйнѣ, т. к. казаки добивались то увеличенія числа реестровыхъ, то отмѣны реестра совсѣмъ.

Одновременно съ мѣщанами начали убѣгать на Запорожье и жители панскихъ имѣній; такъ какъ этимъ наносился ущербъ панскому хозяйству, то имъ запрещалось всегда какимъ бы то ни было способомъ переходить въ казачество. Оставалось хлопамъ одно: бѣжать на Низъ совсѣмъ, они такъ и дѣлали; этой «сѣрой голи» все равно нечего было жалѣть на родинѣ, и вольная жизнь запорожцевъ послѣ панскихъ издѣвательствъ должна была имъ казаться раемъ.

Такимъ путемъ на Низу собралось много постоянныхъ жителей—бѣглецовъ изъ Украйны и Польши.

Низъ или Запорожье составляли земли, лежащія по обѣ стороны Днѣпра, ниже его пороговъ, почти до самаго Чернаго моря.

Мѣста эти были степныя, и природа носила здѣсь двойственный характеръ; по мѣстамъ она представляла необычайное изобиліе, какимъ вообще отличалась Украйна (лежащая выше пороговъ), а по мѣстамъ являла собою крайній недостатокъ.

Весною Запорожье представляло собою безгранично раскинувшуюся зеленую скатерть, безбрежную, какъ бы

шелковистую пелену, съ нависшими скалами надъ многоводными рѣками и глубокими балками.

И сколько здѣсь было разнообразія! Вотъ разстилается логъ, тянется оврагъ; тамъ по берегамъ рѣкъ скалы выступаютъ изъ-за скалъ; тутъ мелодически журчитъ ручей, или капризно извивается чистая, какъ хрусталь, рѣка; вотъ высятся небольшіе пригорки, подымаются курганы и могилы, а тамъ подальше, у могучихъ текучихъ водъ чернѣютъ дремучіе, дѣвственные, густолиственные лѣса.

Все это чрезвычайно красиво и величественно!

Запорожье было богато водою: одинъ Днѣпръ съ его притоками занималъ огромную площадь земли, давая возможность развиться богатой лѣсной и степной флорѣ, несмотря на палящее солнце лѣтомъ и лютую стужу зимой; правда, лѣса не занимали огромныхъ площадей, но зато поражали путешественника густотою своей чащи, величиною отдѣльныхъ деревьевъ и разнообразіемъ породъ послѣднихъ.

Здѣсь встрѣчались: липа, кленъ, грабъ, вязъ, дубъ, ясень, чинаръ, кожевенное дерево, лоза, осокорь, ива, верба, шиповникъ, боярышникъ, шелковица, терновникъ, дикая груша и яблоня, дули, барбарисъ и много другихъ.

Наиболѣе крупныя лѣсныя пространства лежали лишь къ востоку отъ устья Днѣпра, а въ остальномъ Запорожьѣ лѣсъ росъ повсемѣстно по берегамъ рѣкъ и балокъ.

Земля была плодородна и тучна; она могла изобильно производить разнаго рода хлѣбъ: рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и пр.;—изъ огородныхъ овощей: арбузы, дыни, огурцы, картофель, чеснокъ, лукъ, свеклу, петрушку и др.

На пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ можно было найти множество видовъ растительности: дикій чай, шалфей, ковыль, цикорій, куколь, спаржу, хрѣнъ, макъ, ромашку и другихъ.

Все это при первомъ блескѣ весенняго солнца подни-

малось изъ земли, быстро возрастало и въ короткое время достигало почти полнаго развитія.

Вмѣстѣ съ появленіемъ растительности появлялись и животныя, прилетали и птицы; особенно изобиловали тѣми и другими «плавни».

Плавни—это низменныя долины по обѣимъ сторонамъ средняго и нижняго теченія Днѣпра, особенно на лѣвомъ берегу, покрытыя сочной травой, высокими камышами и разнаго рода, преимущественно мягкой породы, деревьями; въ весеннее время и въ дождливую осень плавни сплошь затоплялись водою; лѣтомъ же они были сухи, исключая самыхъ низменныхъ мѣстъ, наполненныхъ водою и представляющихъ изъ себя протоки—рѣчки, озера и болота.

Слѣдствіемъ этого было то, что въ самое жаркое лѣто, когда прибрежныя степи представляли изъ себя выжженныя солнцемъ, а потому безжизненныя пространства, плавни имѣли и давали необходимую для развитія растеній влагу и были убѣжищемъ отъ жары разнаго рода звѣря и птицы.

Въ плавняхъ кишѣли: кабаны, медвѣди, барсуки, волки, лисицы, выдры, буйволы, дикія лошади, олени, лани, козы и другіе; куропатки, коростели, скворцы и множество мелкой пташки таилось, шныряло и перелетало въ густой травѣ и кустарникахъ, спасаясь отъ громадныхъ гадюкъ, разныхъ змѣй и отъ парящихъ въ высотѣ орловъ, ястребовъ и соколовъ; дрохвы (дикія курицы), точно стадо барановъ, паслись въ прибрежной степи; вершины оголенныхъ дубовъ покрывались группами разсѣвшихся по сучьямъ тетеревовъ; лебеди, гуси, утки, бакланы, журавли, птицы-бабы и другія водяныя и болотныя птицы плавали, ныряли и кормились въ рѣчкахъ и озеркахъ, поднимаясь иногда на воздухъ крикливыми стаями, чтобы спастись отъ покушеній лакомки-лисы, и снова опускались на другое озерко, столь же богатое рыбою, какъ и прежнее.

Нигдѣ, кажется, не водилось такое множество разной

рыбы, какъ въ Днѣпрѣ и его притокахъ; съ древнѣйшихъ временъ дошли сказанія о богатствѣ его рыбою.

Здѣсь водились: осетры, сомы, севрюги, лини, стерляди, щуки, тарань, подлещики (чабаки), окуни, ерши, плотва, судаки, язи, сельди, чилики и бѣлуги, доходившія до 3 саженъ длины.

Каждый уловъ щедро вознаграждалъ труды рыбака, а потому понятно, почему изъ отдаленныхъ Черкассъ и Канева сюда ходили казаки на ловъ рыбы.

Всего вдоволь было здѣсь у низовцевъ:

„Вдоволь у нихъ было и лѣсу дремучаго,
И звѣря прыскучаго,
И птицы летучія,
И рыбы пловучія,
Вдоволь у нихъ и травушки-муравушки
Добрымъ конямъ на потравушку!"

Пользованіе этими естественными дарами природы составляло для запорожцевъ главное средство для жизни.

Охота и рыбная ловля давали имъ почти все; если же чего не хватало, то «въ поискахъ», такъ называли они свои набѣги на крымскія и турецкія владѣнія, доставали остальное: платье, оружіе и прочее.

Между прочимъ изъ Турціи черезъ Очаковъ (въ устьѣ Днѣпра) шелъ на Москву торговый караванный путь; запорожцы часто нападали на караваны и предавали ихъ разграбленію. Впослѣдствіи, познакомившись съ устьемъ Днѣпра, съ его многочисленными гирлами, островами и камышами, казаки стали выходить въ море, гдѣ захватывали турецкія торговыя суда.

Производя свои подчасъ дерзкіе набѣги, запорожцы не боялись мести турокъ: ихъ спасалъ отъ этого тотъ же Днѣпръ. По сказанію Боплана, въ нижнемъ Днѣпрѣ было болѣе десяти тысячъ островов, и всѣ они были покрыты такою густою травою, такимъ непроглядным камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плывущихъ

по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ—за одинъ огромной величины островъ.

«Однажды,—разсказываетъ Бопланъ,—преслѣдуя казаковъ на возвратномъ пути изъ Чернаго моря, турецкія суда проникли до самаго мѣста поселенія казаковъ, но тутъ среди острововъ и рукавовъ рѣки запутались и не могли найти выхода; казаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество судовъ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ-пяти верстъ отъ устья».

Столь же надежно прикрыто было Запорожье и съ сѣвера порогами Днѣпра.

Кто не видалъ этихъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать черезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса и величія, какимъ поражаетъ здѣсь Днѣпръ всякаго путешественника.

Кровь леденѣетъ въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться; уже издали можно узнать приближеніе пороговъ по тому странному шуму, оглушительному рёву воды, которая, вливаясь въ промежутки между порогами, сильно пѣнится, высоко вздымается и затѣмъ разомъ падаетъ внизъ, все мгновенно увлекая съ собою.

Всѣхъ пороговъ считаютъ девять; особенно замѣчателенъ «Ненасытецкій», или «Дідъ»; рёвъ его слышенъ уже за 2 версты; спустившіяся съ него благополучно суда должны еще справиться съ стремительнымъ теченіемъ, чтобы не налетѣть на Монастырскій мысъ: много здѣсь разбилось судовъ и погибло народа.

Кромѣ пороговъ, плаваніе по Днѣпру затруднялось еще «заборами» и «полосами».

Забора—это тотъ же порогъ, но идущій не черезъ всю ширину рѣки, а лишь до половины, оставляя около одного берега свободный проходъ для судовъ.

Полоса—штормъ, буря; въ самый благопріятный для

плаванія день налетаетъ полоса, и, если застигнетъ судно при входѣ на порогъ, то нельзя уже ни поворотить, ни бросить якорь; гибель почти неизбѣжна.

Полосы появляются во всякое время дня и совершенно внезапно; вотъ Днѣпръ покоенъ и тихъ, въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отражается ясное, безоблачное небо, но это спокойствіе обманчиво: вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, и надъ нимъ разражается страшная буря: дико завоетъ вѣтеръ, и вмигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны.

Дорогъ на Запорожье не было никакихъ, кромѣ Днѣпра; но среди безконечныхъ гирлъ, глубокихъ лимановъ, корчей, пороговъ и заборовъ только опытный пловецъ могъ плавать, не рискуя своею жизнью; среди безконечныхъ островов, топкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его плавни. Въ противоположномъ случаѣ одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ вели къ завѣдомой гибели и неизбѣжной смерти.

Большіе острова, поднимающіеся высоко надъ водою своими отвѣсными гранитными боками, густо поросшіе деревьями и травой, были любимѣйшимъ и надежнѣйшимъ мѣстомъ поселенія всѣхъ выходцевъ изъ Украйны.

Здѣсь они чувствовали себя вольными людьми, зная, что паны и не попробуютъ проникнуть сюда.

Вотъ тотъ Низъ, который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ каждаго казака.

Но то же самое Запорожье (Низъ), какъ сказано уже было ранѣе, по мѣстамъ и въ иное время года носило противоположный характеръ, являя крайній недостатокъ во всемъ; становится поэтому понятнымъ, почему та мѣстность, гдѣ угнѣздилось казачество, не принадлежала никому изъ сосѣднихъ народовъ и носила у нихъ назва-

ніе Дикаго поля; но поляки ошибочно называли все Запорожье Дикимъ полемъ.

Дикое поле, теперь чисто- или пусто-поле, начиналось на западѣ отъ р. Синюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берега Днѣпра, далѣе простираясь и къ югу.

Это было безплодное пространство, опустошаемое къ тому же часто саранчею, удаленное отъ поселеній настолько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время пути; только нѣкоторыя мѣста около воды изобиловали рыбою и дичью да имѣли пастбище для лошадей.

Съ половины лѣта степи лѣваго берега мало отличались отъ Дикаго поля: отъ жары пересыхали рѣчки и ручьи, трава высыхала и дѣлалась мало годной для пастьбы лошадей и скота; сухость травы давала обильную пищу для степныхъ пожаровъ, иногда охватывающихъ мѣстность въ нѣсколько десятковъ верстъ. Лѣтомъ около полудня появлялись мухи величиною съ $^1/_2$ вершка и кусали лошадей до крови, а вечеромъ со всѣхъ сырыхъ и низменныхъ мѣстъ съ глухимъ жужжаніемъ поднимались рои комаровъ, жадно накидывавшихся на все живое, и только въ дыму костровъ можно было найти спасеніе отъ нихъ.

Добываніе соли, необходимое для сохраненія пойманной рыбы, было сопряжено съ такими опасностями и большими переѣздами, что казаки предпочитали вялить рыбу на солнцѣ, натирая ее вмѣсто соли древесною золою.

Вообще переѣзды по степи въ одиночку или малыми партіями были опасны изъ-за кочующихъ здѣсь татаръ, а движеніе и большихъ партій, напримѣръ, войска, и совсѣмъ почти не было возможно; чтобы прокормить его, нужно было бы заниматься охотой и рыбной ловлей.

Только запорожцы да татары на чудныхъ коняхъ небольшими отрядами безстрашно пересѣкали по всѣмъ направленіямъ степь, знакомую имъ во всѣхъ подробностяхъ.

Къ числу прочихъ невзгодъ, посѣщающихъ Запорожье лѣтомъ, надо прибавить еще саранчу и заразительныя болѣзни.

Саранча была настоящимъ бичомъ Запорожья; гдѣ она садилась, тамъ вся земля покрывалась ею толстымъ слоемъ, и раздавался только шумъ, который она производила, поѣдая растенія. Оголивъ поле въ какой-нибудь часъ, она поднималась и летѣла далѣе по вѣтру, застилая, какъ тучи, свѣтъ солнца; не только травы, посѣвы и древесные листья истребляла саранча, но даже и одежду, особенно красныхъ и зеленыхъ цвѣтовъ.

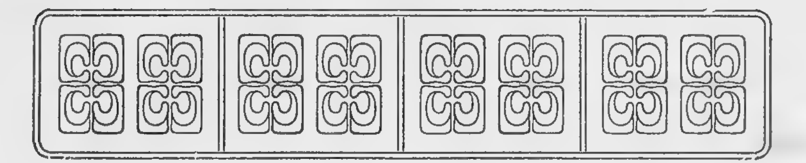
Сырость плавней способствовала укорененію въ Запорожьѣ разныхъ заразительныхъ лихорадокъ, а иногда къ нимъ прибавлялась еще страшная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ моровой язвы, или наглой смерти; не мало запорожцевъ погибло отъ нея.

Зимою на Низу было не лучше: лютая стужа, метели и стаи озлобленныхъ отъ голода волковъ дѣлали ужаснымъ положеніе путника въ степи, гдѣ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ иногда нельзя было найти ни кусточка, ни деревца для того, чтобы можно было разложить огонь и погрѣть около него свои закоченѣлыя руки и ноги; въ степи, кромѣ волковъ, не показывалось ничего живого, и тишину нарушалъ только вѣтеръ, съ рёвомъ перегонявшій сугробы снѣга съ одного мѣста на другое.

Если ко всему этому прибавить, что запорожцы обыкновенно находились или въ поискахъ, или на охотѣ въ плавняхъ, въ сосѣдствѣ съ непримиримыми врагами-татарами, то станетъ понятно, что жизнь казака на Низу была сурова и полна лишеній.

Вообще удалиться за пороги на Низъ, значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдержать только человѣкъ съ крѣпкою натурою.

Казакъ-«спромаха» было давнишнею народною поговоркою на Украйнѣ, гдѣ спромахою обыкновенно называли волка въ смыслѣ бездомнаго скитальца.

II.

Сѣчь и ея обитатели.

„Славно жить на кошу,
Я земли не пашу,
Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть колочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
На свою голову!“
. . . .

«Въ 1557 году пріѣхалъ къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руссіи отъ Вишневецкаго князя Дмитрія Ивановича бить челомъ Михаило Есковичъ, чтобы его государь пожаловалъ и велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ и на Днѣпрѣ на Хортицкомъ островѣ городъ поставилъ противъ Конскихъ водъ (рѣка) у крымскихъ кочевищъ. И царь, и великій князь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ: Андрея Щепотева да Нечая Ртищева, да того жъ Михаила (Есковича) съ опасною грамотою и жалованіемъ». Вотъ что читаемъ мы въ лѣтописаніи московскаго царства; изъ этого видно, что въ 1556 году на Запорожьѣ

появилось укрѣпленное мѣстечко (городъ), будущая «Сѣчь». Это укрѣпленіе было первымъ на Низу; оно просуществовало недолго: черезъ 2 года оно было разрушено крымскими татарами.

Въ началѣ XVII-го вѣка запорожцы снова занимаютъ островъ Хортицу. Тутъ былъ поставленъ «кошъ»—по-татарски: станъ, лагерь.

Атаманъ его, кошевой батько, Петръ Конашевичъ Сагайдачный и гетманъ малороссійскаго (запорожскаго) войска приказалъ казакамъ обнести ихъ жилища (курени) землянымъ валомъ и деревяннымъ тыномъ, или «засѣкою», отъ чего это укрѣпленіе и получило названіе «Сѣчи», сохранившееся и при переходѣ коша запорожцевъ на другія мѣста.

Если названіе «Сѣчь» появляется, какъ мы видимъ, лишь въ началѣ XVII-го вѣка, то сама она въ смыслѣ коша, т.-е. правильно устроеннаго военнаго общества, существовала давнымъ давно.

Трудно указать точно время образованія на Низу изъ простыхъ рыболововъ-воиновъ этого военнаго братства-коша, но можно съ увѣренностью сказать, что за сто лѣтъ до Сагайдачнаго оно уже было, не было только опредѣленнаго и устроеннаго мѣста для жительства, т.-е. селенія; запорожцы зимовали въ землянкахъ и сараяхъ (куреняхъ) и бросали ихъ, когда миновала въ нихъ надобность, или находили почему-либо неудобнымъ и небезопаснымъ оставаться въ нихъ болѣе.

Во внутреннемъ устройствѣ кошъ носилъ много схожаго съ устройствомъ днѣпровскихъ казаковъ: дѣлился на курени, сотни и т. п., а также съ порядками и обычаями своихъ сосѣдей-враговъ—крымскихъ татаръ.

Татарамъ не нравилось появленіе вблизи ихъ кочевищъ укрѣпленнаго казачьяго селенія «Сѣчь», и они нѣсколько разъ ходили «добывать» ее, но безуспѣшно, такъ какъ Сѣчь немедленно возникала на новомъ мѣстѣ; такъ она была

то на Хортицѣ, то на Томаковкѣ, то на Микитиномъ рогу (мысѣ) и, наконецъ, при устьѣ Чортомлыка и рѣчки Гнилой (Прогной). Кромѣ того, Сѣчь возникала вторично на старыхъ пепелищахъ Хортицы и Чортомлыка.

Островъ или мысъ, гдѣ устраивалась Сѣчь, обыкновенно укрѣплялся въ наиболѣе доступныхъ для врага мѣстахъ рядомъ окоповъ и батарей: такъ, на мысѣ со стороны поля и на островѣ, тамъ, гдѣ берегъ былъ положе. Хортица, имѣвшая на сѣверныхъ и западныхъ своихъ берегахъ гранитные отвѣсы до 30 саженъ высоты, была укрѣплена на восточной и южной сторонахъ, откуда всего скорѣе можно было ожидать нападенія татаръ.

Въ общемъ Сѣчь представляла слѣдующую картину: часть Сѣчи, какъ бы ея предмѣстье, тамъ, гдѣ находилась пристань для парома и лодокъ, поддерживающихъ сообщеніе съ сосѣднимъ берегомъ, была занята рядомъ кузницъ, вырытыхъ въ землѣ и крытыхъ дерномъ, навѣсами разныхъ мастерскихъ, палатками и лотками.

Пологій берегъ былъ покрытъ множествомъ вытащенныхъ на сушу лодокъ, душегубокъ, байдарокъ и походными «чайками», т.-е. большими судами, на которыхъ запорожцы выѣзжали Днѣпромъ въ Черное море «пошарить» на берегахъ Анатоліи, достать себѣ на зипуны и раскурить свои люльки (трубки), по-просту говоря, пограбить и пожечь прибрежные города Малой Азіи и Крыма.

Такъ какъ эти походы бывали часто, то почти всегда въ Сѣчи можно было увидѣть дѣятельныя приготовленія къ нимъ; у берега на яркомъ пламени костровъ въ огромнѣйшихъ казанахъ (котлахъ) кипѣла смола, которую совсѣмъ голые отъ жару запорожцы размѣшивали длинными шестами; лодки тутъ же конопатились и смолились.

Надъ этою частію Сѣчи чадъ и копоть отъ кузницъ, мастерскихъ и казановъ, подымавшіеся клубами къ небу, грохотъ молотовъ, стукъ топоровъ, лязгъ желѣза, трескъ дерева, ржаніе коней, ругань, пѣніе, крики, сливавшіеся

въ непрерывный и оглушительный ревъ, поражали каждаго, впервые прибывшаго въ Сѣчь.

Далѣе по всему острову были настроены громаднымъ четыреугольникомъ курени, среди которыхъ на площади возвышалась небольшая деревянная церковка.

Курени, т.-е. сама Сѣчь-городокъ, отдѣлялись отъ пристани-предмѣстья заставой, охраняемой небольшимъ карауломъ, обыкновенно развалившимся на землѣ съ люльками въ зубахъ и коротавшимъ время больше въ болтовнѣ да «жартахъ», т.-е. шуткахъ, чѣмъ въ наблюденіи надъ проѣзжавшими и проходившими въ обѣ стороны заставы.

Въ самой Сѣчи и ея предмѣстьѣ толкалось, кричало, пѣло, продавало, пьянствовало, работало и слонялось безъ дѣла множество всякаго народа въ самыхъ причудливыхъ, часто богатыхъ одеждахъ, а то и вовсе безъ таковыхъ; у нѣкоторыхъ, кромѣ куска холста, прикрывавшаго наготу, да шапки, не было ничего; по этой-то, неизмѣнно торчавшей копною, высокой и лихо заломленной шапкѣ съ краснымъ верхомъ можно было всегда сразу узнать запорожца; никогда и нигдѣ не разставался онъ со своею шапкою, знакомъ его казацкаго достоинства.

Полный костюмъ запорожца состоялъ изъ сорочки и широчайшихъ шароваръ, болѣе похожихъ по своей ширинѣ на юбку, чѣмъ на штаны; пояса, охватывающаго его станъ нѣсколько разъ, за которымъ торчало засунутое оружіе: ножъ и пистоля; къ поясу же привѣшивалась на длиннѣйшей, доходившей почти до земли, мѣдной цѣпочкѣ люлька въ оправѣ и огниво; ноги обувались въ чеботы (родъ сапогъ), и по нимъ брякала кривая сабля; плечи покрывала свитка или жупанъ со шнурками и другими украшеніями.

Головы запорожцы брили, оставляя въ передней части длинный клокъ волосъ—«чубъ», заматывающійся за ухо, бородъ не носили, какъ «москали», т.-е. великоруссы, а длинные усы свои пускали концами внизъ.

Большинство запорожцевъ были рослые и здоровые мужчины, черноволосы, съ суровыми, загорѣлыми лицами, носящими нерѣдко слѣды ударовъ, полученныхъ ими въ битвѣ, съ зоркими глазами подъ густыми, темными бровями.

Свитки, шаровары, пояса, чеботы были всѣхъ цвѣтовъ, оттѣнковъ и достоинствъ и безъ сожалѣнія вымазывались дегтемъ или чѣмъ-нибудь инымъ: запорожцу за стыдъ почиталось дорожить своимъ убранствомъ, какъ вещью пустою, между тѣмъ какъ оружіе блистало часто самоцвѣтными каменьями и дорогой насѣчкой.

Это множество народа, раздѣтаго, полуодѣтаго и одѣтаго въ яркіе цвѣта, представляло красивую и своеобразную картину. Въ этой пестрой толпѣ сразу бросалось въ глаза полное отсутствіе женщинъ; ни одного нѣжнаго личика! Только чубы, усищи да высокія шапки торчали кругомъ.

Подъ страхомъ смерти запрещалось на Сѣчи всякое «бабство», и ни одна женщина не допускалась туда, только холостой могъ быть запорожцемъ; но все-таки коекто изъ нихъ имѣлъ тайно на родной сторонѣ жену и дѣтей, которыхъ наѣзжалъ иногда провѣдать.

Въ этихъ поѣздкахъ своими разсказами о морскихъ походахъ, о стычкахъ съ татарами и о веселомъ житьѣ въ Сѣчи запорожцы разжигали кровь молодежи, и, благодаря имъ, многіе уходили туда поучиться бранному дѣлу, свѣтъ посмотрѣть и пожить вольною волюшкою.

Сѣчь радушно принимала каждаго, не спрашивая, кто онъ, зачѣмъ пришелъ, а потому всякій, кто хотѣлъ скрыть свое прошлое, легко могъ это сдѣлать.

Прибывшаго впервые кошевой атаманъ спрашивалъ только: «Здравствуй! Что во Христа вѣруешь?» — «Вѣрую».—«И въ Святую Троицу вѣруешь?»—«Вѣрую».— «И въ церковь ходишь?» — «Хожу, батько». — «А ну, перекрестись!» Пришедшій крестился. «Ну, ладно,—говорилъ кошевой,—иди до куреня, какой самъ знаешь». Сѣчь дѣлилась на нѣсколько частей, или куреней; ихъ

было отъ 20 до 40, смотря по тому, сколько народа находилось въ Запорожьѣ.

Каждый курень имѣлъ свое названіе, своего атамана и отдѣльное помѣщеніе—невысокій длинный сарай человѣкъ на 100 или 150, построенный изъ хвороста, обмазанный глиной и крытый отъ непогоды дерномъ или конскими шкурами. Въ куреняхъ хранилось казацкое добро, сдаваемое атаману на храненіе; онъ же завѣдывалъ продовольствіемъ товарищей, ведя куренное хозяйство.

Войсковое добро: казна, ружья и прочее хранилось въ скарбницѣ, т.-е. тайникѣ, скрытомъ въ чащѣ тростниковъ гдѣ-нибудь у берега, иногда даже подъ водою.

Въ Сѣчи всѣ считались равными, атаманы выбирались: куренные—своимъ «товариствомъ», а кошевой—радою, т.-е. общимъ собраніемъ (сходкою) всѣхъ запорожцевъ. Кошевой выбирался на годъ, по окончаніи котораго давалъ подробный отчетъ о своемъ управленіи; если имъ были недовольны, то выбирали новаго, а если за нимъ открывались дурныя дѣла, то тутъ же на радѣ предавали его суду; важнѣйшія дѣла Сѣчи рада рѣшала сама.

Рада происходила на большой площади между куренями; по грохоту и бою литавръ (барабановъ) эсаулы, т.-е. распорядители, собирали народъ; всѣ бросали работу, гулянку, свои дѣла и толпою валили на площадь, гдѣ становились въ кругъ (майданъ); по звуку трубъ войсковыхъ «суремщиковъ» (трубачей) наступала тишина. Собравшій раду—а собрать ее могъ какъ кошевой, такъ и само казачество—выходилъ на средину майдана и заявлялъ, что было нужно; всѣ казаки стояли въ шапкахъ, а говорившій, хотя бы самъ кошевой, съ непокрытою головою въ знакъ того, что онъ готовъ подчиниться рѣшенію своихъ товарищей.

Въ Сѣчи всегда имѣлось налицо нѣсколько доблестныхъ и опытныхъ запорожцевъ, могущихъ съ честью занять мѣсто кошевого, а потому, когда приходилось выби-

рать новаго, то толпа начинала кричать, что было мочи, сразу нѣсколько именъ. Среди рёва мощныхъ голосовъ наконецъ можно было разобрать: «Козолупа, Козолупа!»— «Бовдюка!» — «Къ чортовой матери Козолупа, Вовтузенко!» кричали другіе. «Вовтузенко выбрать, Вовтузенко!» орали третьи.— «Молодъ онъ еще, Козолупъ пусть будетъ кошевымъ!» возражали первые.—«Бовдюка хотимъ кошевымъ, Бовдюка!» покрывали всѣхъ своими голосами нѣсколько куреней, пуская въ ходъ кулаки.

«Бовдюка, Бовдюка!» стали подхватывать въ разныхъ мѣстахъ. Это имя видимо восторжествовало надъ другими, такъ какъ скоро вся площадь заревѣла: «Бовдюка, давайте сюда Бовдюка!» и туча шапокъ взлетѣла кверху.

Эсаулы вводили вновь избраннаго въ средину майдана, гдѣ старшины, т.-е. куренные атаманы, покрывали его шапками и вручали ему булаву (палицу), знакъ отличія и власти кошевого. Тогда изъ толпы выходило нѣсколько сѣдыхъ уважаемыхъ запорожцевъ, которые клали на голову новаго кошевого грязь и всякій соръ, дабы онъ помнилъ, что всѣ казаки ему равны; послѣ стариковъ то же могли продѣлать съ кошевымъ и остальные казаки.

«Батько» покорно и терпѣливо сносилъ все это, благодаря за честь избранія. «Довольно,—кричала толпа,— довольно!» Кошевой, переодѣвшись, съ палицею въ рукахъ выходилъ снова въ кругъ; головы всѣхъ почтительно обнажались, глаза потуплялись въ землю, и наступала полная тишина; новый кошевой неторопливо и степенно говорилъ собранію рѣчь, и одна лишь его шапка алымъ верхомъ своимъ горѣла подъ лучами яркаго солнца.

Въ военное время кошевой имѣлъ власть неограниченную никѣмъ и ничѣмъ; отъ строгаго взгляда его трепетали всѣ; казалось, что онъ выросталъ въ глазахъ товарищей: одно его слово, движенія руки — и провинившагося безжалостно предавали смертной казни.

Наружными знаками отличія кошевого были: 1) булава

(палица) — небольшая дубинка, оправленная въ золото, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; 2) войсковое знамя; 3) войсковой бунчукъ—длинная палка съ позолоченнымъ шаромъ на концѣ, убранная турьими и конскими хвостами, и 4) войсковая печать — серебряная съ изображеніемъ скачущаго казака со знаменемъ въ одной и мушкетомъ (ружьемъ) въ другой рукѣ.

Булаву кошевой носилъ въ рукѣ или за поясомъ; знамя и бунчукъ носили или возили за нимъ, войсковую печать хранилъ войсковой писарь, бывшій безотлучно при кошевомъ и вѣдавшій всѣ войсковыя письменныя дѣла. Когда запорожцы писали царю московскому, королю польскому, султану турецкому и хану крымскому, то прикладывали ее къ посылаемой бумагѣ.

Войсковой писарь и эсаулы выбирались радою; если назначался походъ части запорожцевъ, то начальникъ этого отряда, «полковникъ», выбирался и назначался тою же радою; полковникъ надъ своими товарищами-подчиненными пользовался правами кошевого.

Каждое избраніе новаго кошевого ли, писаря или кого другого сопровождалось шумнымъ празднованіемъ.

Запорожцы не пропускали случая погулять; народъ они были веселый, безпечный, большіе любители пображничать; умѣнье послѣдняго считалось даже за доблесть между ними. Впрочемъ, гулянки запорожцевъ не были грязнымъ и мрачнымъ пьянствомъ, которое дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, а были просто вспышками неудержимаго веселья, разгуломъ ихъ широкой и богатой натуры.

Ни одна гулянка не обходилась безъ музыки и танцевъ; когда гуляли, то угощали всѣхъ встрѣчныхъ и приставшихъ безъ разбора, платили за все не торгуясь, сколько вынетъ рука изъ кармана шароваръ, а потому торговцы въ предмѣстьѣ наживались очень скоро, если только загулявшая Сѣчь, прогулявъ все до послѣдняго

дуката, не возьметъ остальнаго даромъ, разгромивъ лавки и шинки. Купцы были тогда рады и тому, что сами-то оставались въ живыхъ.

Запорожцы не любили себя стѣснять чѣмъ-либо; никакихъ постовъ и воздержаній не признавали, но зато, возвращаясь изъ походовъ, дѣлали щедрые вклады въ свою сѣчевую церковь и въ случаѣ необходимости всѣ до послѣдняго человѣка готовы были защищать ее.

Неисправныхъ должниковъ казаки сажали на цѣпь къ пушкѣ, гдѣ всякій имѣлъ право оскорбить его, и такъ онъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не уплачивалъ за него долга. Несмотря на безпечность храненія имущества, воровство на Сѣчи встрѣчалось крайне рѣдко; уличеннаго въ воровствѣ привязывали лицомъ къ столбу, ставили рядомъ бочку «горилки» (водки), клали на землю «кіи» (длинныя и тонкія палки) и предоставляли желающимъ выпить ковшъ горилки и ударить вора кіемъ по обнаженной спинѣ.

Рѣдко кто выдерживалъ наказаніе, и воры обыкновенно смертію расплачивались за свою вину.

Такимъ же почти образомъ приводилась въ исполненіе смертная казнь, назначаемая радою за преступленія болѣе крупныя: оскорбленіе кошевого, неуваженіе къ сѣчевымъ обычаямъ, драка съ оружіемъ въ рукахъ и т. п.

Запорожцы любили Сѣчь, свою «мати», и строго хранили всѣ обычаи и порядки ея, видя въ нихъ вполнѣ справедливо залогъ къ ея процвѣтанію.

Разница въ наказаніи вора и преступника, обреченнаго на смертную казнь, заключалась въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ смертный приговоръ приводился въ исполненіе на радѣ: войсковой писарь по списку выкликалъ имя за именемъ, вызванные одинъ за другимъ выходили изъ толпы, ударъ за ударомъ падалъ на спину преступника, пока не становилось безжизненнымъ тѣло его. Умиралъ казакъ всегда молча, безъ стона: тѣло каз-

неннаго, лишенное погребенія, бросали въ Днѣпръ на съѣденіе рыбамъ и ракамъ.

Еще страшнѣе была казнь за убійство товарища: убійцу сажали на заостренный вверху колъ или опускали на дно глубоко вырытой могилы, а сверху ставили гробъ съ убитымъ; затѣмъ засыпали обоихъ землею. У запорожцевъ было повѣрье, что подъ землею безвинно погибшій—мертвецъ будетъ грызть и давить мертвеца—своего убійцу.

Суровы были обычаи Сѣчи, но зато они закаляли характеръ этихъ «лыцарей», предпочитавшихъ войну всему остальному.

«Сичь-мати» и «Великій лугъ-батько» *) были для запорожца, не вѣдавшаго «ни неньки ридненькой, ни сестры жалобнéнькой, ни дружины вирнéнькой», всѣмъ тѣмъ, что другому человѣку составляетъ свой родной уголъ и любимая семья. Сурово было воспитаніе запорожца, проходившее на охотѣ въ глухихъ плавняхъ и походахъ на «невѣрныхъ», но это давало ему то спокойствіе и презрѣніе предъ лицомъ смерти, которымъ дивились враги его.

Свирѣпы и безжалостны были на войнѣ запорожцы, но у себя на Сѣчи жили дружно и мирно, какъ хорошая и добрая семья; въ веселой попойкѣ отдыхали они душой отъ всѣхъ ужасовъ войны, а потому нельзя осуждать ихъ строго за это.

День на Сѣчи начинался съ восходомъ солнца; перекрестясь и сплоснувъ свое лицо горстью свѣжей днѣпровской воды, каждый принимался «справлять громадское (общее) дѣло»: кто шелъ чинить лодки, кто объѣзжалъ коней или учился стрѣльбѣ въ цѣль, кто ловилъ рыбу или отправлялся на охоту.

Въ это время «кухари» съ помощниками разводили огонь въ «горнахъ» и варили въ саженныхъ котлахъ борщъ,

---

*) Такъ назывался у запорожцевъ одинъ изъ плавней лѣваго берега, тянувшійся на 45 верстъ съ сѣвера на югъ и имѣвшій отъ 10 до 20 верстъ ширины.

уху, кашу, галушки и на желѣзныхъ прутьяхъ жарили цѣликомъ барановъ, кабановъ, сайгаковъ, быковъ и даже громаднѣйшихъ туровъ; пекари пекли груды хлѣба.

Всѣ эти яства готовились на каждый курень отдѣльно. На конскихъ шкурахъ, на пологахъ, а то и прямо на землѣ раскладывались караваи хлѣба и ставились солонки; собравшіеся на обѣдъ запорожцы, скинувъ высокія шапки и перекрестившись на восходъ солнца, доставали изъ глубины своихъ бездонныхъ кармановъ ложки, вынимали ножи, рѣзали хлѣбъ на части и разсаживались кружкомъ на землѣ, скрестивъ и поджавъ подъ себя ноги по-турецки. Кухари громадными черпаками наливали въ деревянныя мисы, до сажени въ окружности, варево, которое разносилось по кучкамъ запорожцевъ. Запорожцы ѣли степенно, не торопясь, и по обычаю съѣдали все безъ остатка. Первымъ опускалъ ложку въ мису «батько», вторымъ—сидѣвшій по лѣвую руку его, третьимъ—слѣдующій слѣва и такъ далѣе, пока очередь не доходила опять до атамана. Послѣ варева подавали печеное и жареное, дѣля его на части топорами и ножами, при чемъ сердце животнаго постоянно отдавалось атаману, чтобы «добрый былъ до своихъ дитокъ», а легкое животнаго дѣлилось поровну между всѣми, чтобъ «казакъ былъ легкій на водѣ».

Послѣ обѣда вся Сѣчь заваливалась отдыхать; запорожцы не любили спать въ душныхъ куреняхъ, а предпочитали растянуться на свиткѣ или на сѣнѣ прямо подъ открытымъ небомъ; непогоды они не боялись. Вечеръ казаки проводили въ бездѣйствіи: лежа на землѣ съ люльками въ зубахъ, слушали они разсказы бывалыхъ товарищей о морскихъ походахъ, о схваткахъ съ татарами и съ ляхами; иногда же при свѣтѣ догоравшаго костра одинъ изъ нихъ таинственнымъ голосомъ начиналъ разсказывать о вѣдьмахъ, русалкахъ, лѣшихъ и о всякой прочей чертовщинѣ, которой такъ много водилось на Украйнѣ, по наивному вѣрованію казаковъ. Какъ малыя

дѣти, затаивъ дыханіе, слушали они эти фантастическіе разсказы, и сердце отважнаго казака, не разъ съ усмѣшкою глядѣвшаго въ лицо смерти, сжималось отъ ужаса при мысли о страшномъ покойникѣ, выходящемъ изъ могилы, о колдунѣ-оборотнѣ, о шабашѣ вѣдьмъ на знаменитой Лысой горѣ. Тревожно посматривали они на чернѣющійся за рѣкою мрачный плавень, гдѣ кричалъ филинъ, и прислушивались къ всплескамъ посеребреннаго свѣтомъ мѣсяца Днѣпра...

Такое препровожденіе времени не даетъ намъ однако права считать казаковъ совершенно бездѣятельными и неспособными къ труду: часть запорожцевъ постоянно находилась въ отлучкѣ въ степи или плавняхъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Куренными атаманами велась очередь между казаками, посылаемыми на эти работы, служившія средствомъ для прокормленія всей Сѣчи.

Цѣлыми недѣлями жили эти партіи въ непролазныхъ и топкихъ плавняхъ или въ необъятной степи, гдѣ часто сталкивались они съ отрядами татаръ, и тутъ-то на дѣлѣ обучались молодые и неопытные казаки тѣмъ военнымъ пріемамъ и сноровкамъ, которые дѣлали ихъ такими ловкими и опасными противниками на войнѣ; въ самой же Сѣчи никакихъ воинскихъ занятій не производилось. При стычкахъ съ татарами запорожцы употребляли много мелкихъ военныхъ хитростей, которыя помогали имъ одерживать побѣды даже въ тѣхъ случаяхъ, когда перевѣсъ былъ на сторонѣ врага. Такъ, если запорожцы видѣли, что въ открытой битвѣ имъ не справиться съ татарами, то старались уйти отъ нихъ на своихъ быстрыхъ коняхъ и, чтобы сбить непріятеля съ толку, дѣлились на нѣсколько партій и разъѣзжались по разнымъ направленіямъ; большія партіи ѣхали «гусемъ», малыя же по 3 и 4 въ рядъ, стараясь потоптать при этомъ какъ можно больше травы, чтобы дать татарамъ невѣрное представленіе о величинѣ каждой партіи. Татарамъ приходилось также дѣлиться на

нѣсколько частей, сообразно силѣ и числу казацкихъ партій, а казакамъ этого только и надо было: съѣхавшись въ назначенномъ мѣстѣ, они разбивали отряды татаръ одинъ за другимъ. Иногда для того, чтобы сбить непріятеля со слѣда, казаки въѣзжали въ небольшую, попавшуюся на ихъ пути степную рѣчку, и нѣкоторое время ѣхали въ водѣ по дну. Конямъ запорожскимъ, пріученнымъ переплывать Днѣпръ, движеніе по неглубокой и тихой степной рѣчонкѣ не представляло никакихъ затрудненій.

Случалось, что эта хитрость не помогала: татары угадывали, вверхъ или внизъ по рѣкѣ ѣхали казаки и начинали ихъ настигать. Тогда оставался послѣдній способъ— спрятаться въ водѣ, что безъ большой сноровки, конечно, трудно было сдѣлать.

Запорожцы вырѣзали изъ прошлогодняго сухого тростника длинныя камышины, которыя затѣмъ продували, чтобы черезъ нихъ могъ свободно проходить воздухъ. Сдѣлавъ это, казаки забирали все свое добро, не исключая длиннѣйшихъ копій, и все это опускали въ воду; затѣмъ, подложивъ терновыхъ колючекъ подъ потникъ своихъ лошадей, они давали имъ нѣсколько крѣпкихъ ударовъ нагайкой по бокамъ и потникамъ, отчего кони, какъ бѣшеные, уносились въ степь.

Когда татары были совсѣмъ близко отъ рѣки, то казаки брали въ ротъ одинъ конецъ камышинки и погружались осторожно въ воду между тростникомъ и осокою такъ, чтобы надъ водою торчалъ только вершка на два конецъ камышины. Только опытный глазъ казака же могъ открыть присутствіе людей, спрятавшихся такимъ образомъ подъ водою.

Наткнувшись на слѣдъ разбѣжавшихся казацкихъ коней, татары обыкновенно пускались въ погоню за ними, предполагая, что казаки утонули. Но не такъ-то легко было изловить этихъ бѣшеныхъ коней, которыхъ постоянная боль отъ уколовъ заставляла носиться по степи съ неимовѣрною быстротой.

Татарскимъ конямъ, которымъ къ тому же приходилось нести на себѣ вооруженнаго всадника, было совсѣмъ не подъ силу догнать ихъ, такъ что послѣ продолжительныхъ, но тщетныхъ усилій татары обыкновенно разъѣзжались, не поймавъ ни одной лошади. Случалось, что привыкшая къ хозяину лошадь, побѣгавъ сутки, а то и двое по степи и успокоившись, возвращалась къ тому мѣсту, гдѣ съ нимъ разсталась и, найдя его еще здѣсь, довѣрчиво шла на знакомый голосъ.

По уходѣ татаръ казаки вылѣзали изъ воды и, отдохнувъ немного, пѣшіе пускались въ путь по безконечной степи. Бывалый казакъ не боялся заблудиться въ этомъ необозримомъ морѣ травы: небо и сама степь съ ея разнообразною жизнью вѣрно и точно давали ему всѣ необходимыя для путника свѣдѣнія. Такъ, днемъ и ночью казакъ могъ узнать, который часъ, опредѣлить, въ какомъ направленіи лежитъ та или другая страна свѣта. Днемъ онъ узнавалъ это по высотѣ солнца, ночью ему помогали ярко-блестѣвшія и мигавшія звѣзды, причудливыми фигурами разсыпанныя по выси небесной. Вотъ горятъ «Волтожары», здѣсь широкою лентою протянулась по небу «Мамаева дорога», тамъ играютъ и поблескиваютъ лучами яркія «Визъ» да «Чапига».

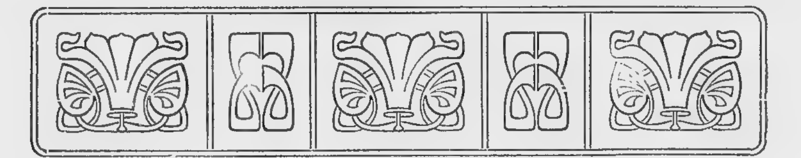
Степь, дорогая сердцу казацкому, особенно хороша бывала ночью: полный мѣсяцъ льетъ свой прозрачный серебристо-голубой свѣтъ на спящую степь съ ея высокой травой и темными курганами; длиннымъ, дробящимся столбомъ отражается въ свѣтлой водѣ маленькихъ, бойкихъ степныхъ рѣчонокъ, что такъ звучно переливаются съ камешка на камешекъ; надъ ними медленно подымается и колышется туманъ, и думается казаку, что то сказочныя блѣдныя русалки водятъ свои хороводы въ прозрачныхъ лучахъ мѣсяца.

Унылый крикъ «пугача», наводящій страхъ на непривычнаго человѣка, не могъ испугать запорожца: ему были

хорошо знакомы всѣ звуки и голоса дикой степи и плавней.

Онъ самъ «пу́галъ», какъ настоящій пугачъ, вылъ по-волчиному, шипѣлъ по-змѣиному, ревѣлъ по-турпному, отлично кричалъ перепеломъ и куковалъ не хуже настоящей кукушки. Крикъ «пу́гу, пу́гу» былъ даже условленнымъ крикомъ запорожцевъ, этимъ крикомъ они давали знать другъ другу о своемъ присутствіи. Вообще всѣ эти звѣриные и птичьи крики были рядомъ условныхъ сигналовъ, которыми переговаривались невидимые другъ другу запорожцы, чтобы ввести въ заблужденіе, обмануть, перехитрить своихъ враговъ. Случалось, что, скользя въ травѣ, какъ змѣи, подбиралось неслышно нѣсколько человѣкъ запорожцевъ къ заночевавшему въ степи табору татаръ и спугивало табунъ ихъ лошадей; тогда остальные запорожцы, притаившіеся съ конями въ высокой травѣ, какъ буря налетали на метавшихся въ безпорядкѣ по табору татаръ, и не было имъ спасенія: пѣшіе, безъ коней, они не знали, что дѣлать, какъ обороняться, и съ криками «Алла, Алла!» гибли подъ сабельными ударами запорожцевъ. Пока при свѣтѣ пылавшихъ костровъ шла эта безпощадная рѣзня, небольшой отрядъ запорожцевъ на лучшихъ коняхъ несся по степи наперейми татарскому табуну, т. к. хорошій конь считался лучшей добычей для казака. Конь былъ вѣрнымъ товарищемъ запорожца въ степи, и всѣ казаки были прекрасными наѣздниками.

Охота и рыбная ловля, хотя и часто оканчивавшіяся кровавыми схватками съ татарами, не считались казаками за настоящее «дѣло»: такимъ дѣломъ считалась лишь война съ «невѣрными». Невѣрными называли какъ татаръ и турокъ за ихъ вѣру басурманскую, такъ и ляховъ за угнетеніе народа русскаго и за гоненіе на вѣру православную въ Украйнѣ.

III.

Морскіе походы.

„Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
И качаетъ,
Гей хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
Будемъ отдыхать.
Дружно въ весла! чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте!
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
Вольныя поютъ!“
. . . .

Почти каждый годъ запорожцы предпринимали морскіе походы на Крымъ и Туречину.

Съ объявленіемъ похода въ Сѣчи закипала лихорадочная дѣятельность. Не было больше пьяныхъ и гуляющихъ, всѣ были серьезны, старательно и быстро дѣлали необходимыя приготовленія для похода. Около чаекъ раздавался неумолкаемый стукъ конопатчиковъ, громадные котлы со смолою чадили и коптили; здоровые, жилистые запо-

рожцы, засучивъ штаны и стоя по колѣно въ водѣ, крѣпкими бечевами тянули съ берега готовыя къ походу чайки. Тамъ мололи и сушили порохъ, здѣсь рѣзали и вялили на солнцѣ куски разнаго мяса; одни готовили сухари, чинили одежду, другіе пристрѣливали мушкеты и точили сабли.

Спокойно и властно распоряжался кошевой атаманъ, неторопливо и степенно давая указанія, что брать, что оставить. Куренные атаманы съ шестоперами (значки) въ рукахъ наблюдали за работами, а въ атаманскомъ куренѣ войсковой писарь и эсаулы составляли по чайкамъ списки казаковъ, отправлявшихся въ походъ, а также и тѣхъ, которые оставлялись въ Сѣчи для защиты ея отъ неожиданнаго набѣга въ отсутствіе коша.

Наконецъ, все готово; наступилъ день, назначенный для выступленія. Стройно вытянулись и рядами установились около берега многочисленныя чайки съ гребцами.

На атаманской чайкѣ развернулась и заколыхалась по вѣтру атаманская хоругвь. Головы всѣхъ обнажились; начался напутственный молебенъ. Всѣ замолкли; тихо кругомъ, только слышно, какъ плещетъ вода о борта чаекъ, да шуршитъ голышами на отмеляхъ; святыя слова молитвы разносятся по рѣкѣ до самыхъ дальнихъ чаекъ. Истово и неторопливо крестятся казаки; задумались они о томъ, что ждетъ ихъ въ далекой, чужой сторонѣ: смерть ли, плѣнъ или же радостное побѣдное возвращеніе съ богатой добычей...

Молебенъ кончился. Кошевой махнулъ булавой: съ вала сверкнулъ огонекъ, и пушечный выстрѣлъ гулко прокатился по прибрежному тростнику, за нимъ другой, третій... Поднятыя весла разомъ опустились и запѣнили воду Днѣпра. «Прощай, Сичь-мати, да хранитъ тебя Пресвятая Богородица!»

На берегу туча шапокъ полетѣла кверху: то было послѣднее прощаніе оставшихся казаковъ съ отправляющимися въ походъ товарищами. Скоро Сѣчь совсѣмъ

исчезла изъ глазъ. Казаки расселись поудобнѣй, и чайки, подгоняемыя мѣрными ударами веселъ, быстро понеслись внизъ по широкому Днѣпру.

На ночь казаки обыкновенно останавливались въ чащѣ таинственныхъ плавней. Тутъ они были въ полной безопастности и чувствовали себя какъ дома; не разъ лавливали они здѣсь рыбу и охотились за птицей и кабанами.

Единственно, что досаждало здѣсь казакамъ—это комары. Цѣлыя тучи этихъ большихъ длинноногихъ разбойниковъ обсыпали и безпощадно грызли казацкія тѣла; искусанный запорожецъ только почесывался и посылалъ тысячи проклятій по адресу своихъ мучителей, но защитить себя отъ нихъ ничѣмъ не могъ. Дымъ костровъ, конечно, отогналъ бы этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ, но отъ этого средства приходилось отказаться, такъ какъ огни запорожцевъ могли быть замѣчены татарами, которые, догадавшись по присутствію казаковъ въ Низовьяхъ Днѣпра о затѣваемомъ ими морскомъ походѣ, преградили бы свободный выходъ въ море. По той же причинѣ въ станѣ казаковъ не позволялось пѣть, кричать, громко разговаривать и т. п.

Ночлегъ охранялся «вартою» (цѣпью часовыхъ); отъ времени до времени въ ночной тиши изъ гущи камышей раздавался звонкій крикъ дергача, на который съ разныхъ сторонъ отвѣчали другіе: то повѣрялась варта.

Частые набѣги запорожцевъ заставили турокъ построить около устья Днѣпра небольшую крѣпость Кызыкермень, которая должна была препятствовать казачьимъ чайкамъ выходить въ море; изъ бойницъ крѣпости грозно глядѣли на воду жерла пушекъ, всегда готовыхъ уничтожить замѣченную флотилію запорожцевъ. Кромѣ того, турки загородили Днѣпръ у самаго Кызыкерменя цѣпями, которыя однако не вполнѣ достигали цѣли, такъ какъ по своей тяжести отвисали, и мелкосидящія легкія чайки могли свободно проплывать надъ ними. Казаки все это прекрасно

знали, а потому, выбравъ глухую ночь, въ полнѣйшей темнотѣ проскальзывали мимо крѣпости, не обнаруживъ себя ни всплескомъ воды, ни брякнувшимъ о цѣпь весломъ; стоило только благополучно выйти въ море, а тамъ на своихъ быстроходныхъ чайкахъ казаки мало кого боялись.

Вотъ и море! Какъ широко и далеко видно кругомъ. Кажется, что небо и вода сливаются вмѣстѣ,—не разберешь, гдѣ кончается первое и начинается второе. Съ тихимъ рокотомъ катятся одна за другой волны, мѣрно покачивая чайки; облака быстро скользятъ по небу, солнце играетъ лучами въ брызгахъ воды, а сама она не то синяя, не то зеленая, а въ глубинѣ точно черная, горько-соленая, противная на вкусъ.

Кругомъ тихо и пустынно; показалась было влѣво въ далекомъ синѣющемъ туманѣ болѣе темная полоска земли. «То Крымъ», сказали бывалые запорожцы; долго смотрѣли въ ту сторону молодые, первый разъ выѣхавшіе въ море казаки, но Крымъ скоро пропалъ изъ глазъ, точно нырнулъ въ воду,—чайки повернули въ сторону, чтобы не замѣтили ихъ съ берега татары и турки и не послали въ погоню большихъ военныхъ кораблей.

Скучно проходили для казаковъ дни на морѣ; кругомъ, кромѣ неба да воды, ничего не видно, а тутъ еще душу отвести нельзя ничѣмъ, кромѣ пѣсни: водки пить на походѣ не позволяютъ, ѣшь сушеное мясо да сухари, воды и той даютъ мало. Дни тянутся скучные, однообразные,—что сегодня, то и вчера; даже разсказы бывалыхъ о Крымѣ, о богатыхъ его городахъ, о томъ, какъ томятся и мучатся на галерахъ (судахъ) бѣдные невольники, пріѣлись.

«Хоть бы случилось что, право!» тоскливо думаютъ многіе молодые казаки; старые же равнодушно поглядываютъ по сторонамъ, покуривая трубки и сплевывая въ море: они знаютъ, что впереди всякаго дѣла будетъ достаточно. «Галера бѣжитъ влѣво!» закричалъ вдругъ сигнальщикъ. Всѣ встрепенулись и взглянули туда, куда

указывала протянутая рука сигнальщика: черная точка медленно, едва замѣтно двигалась у самаго горизонта; на вышкѣ атаманской чайки показался кошевой. «Что-то скажетъ онъ: уйти въ море или добыть галеру?» Долго смотрѣлъ кошевой на галеру, закрывъ глаза рукою отъ солнца, потомъ поговорилъ о чемъ-то съ окружающими его старшинами, повернулся лицомъ къ чайкамъ и махнулъ рукой, показавъ на галеру.

«За работу, дитки!» закричали рулевые; гребцы бросились по мѣстамъ; разомъ ударили весла, зашумѣла и запѣнилась вода; чайки дрогнули, рванулись и понеслись стрѣлой. Лихорадочно работали гребцы, только сверкая летѣли брызги, да гнулись весла подъ напоромъ воды.

Застигнутая врасплохъ неповоротливая турецкая галера не могла, конечно, справиться съ быстроходными казацкими чайками; онѣ уже разсыпались лавою, т.-е. длинною и рѣдкою цѣпью, и старались окружить галеру. Турки не знали, въ какую сторону стрѣлять, а чайки то разсѣкали грудью гребни волнъ, то ныряли внизъ и подвигались съ каждою минутою все ближе. Турецкія ядра безполезно бороздили морскую воду, то перелетая черезъ головы казаковъ, то не долетая до нихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ чайки приблизились къ галерѣ, десятки казачьихъ багровъ впились въ ея бока, со всѣхъ чаекъ грянулъ ружейный залпъ, и, прежде чѣмъ разсѣялся пороховой дымъ, чайки были подтянуты къ галерѣ вплотную, и запорожцы какъ кошки лѣзли со всѣхъ сторонъ.

Турки защищались отчаянно, такъ какъ знали, что пощады никому не будетъ. Перебивъ всѣхъ турокъ, запорожцы освобождали невольниковъ изъ глубины галеры, откуда давно уже доносились радостные крики этихъ несчастныхъ, увидѣвшихъ своихъ освободителей—запорожцевъ.

Всѣ галеры двигались при помощи длинныхъ веселъ, расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ

съ каждой стороны: эту-то тяжелую работу исполняли бѣдные христіанскіе полонянники (невольники), сидя по нѣскольку человѣкъ на одномъ веслѣ, прикованные тяжелыми цѣпями къ скамейкамъ въ глубинѣ галеры. До тѣхъ поръ сидѣли здѣсь невольники, пока либо смерть не придетъ сама, либо за старостью или немощью не выкинутъ живого за бортъ галеры. Между рядами скамеекъ ходили надсмотрщики съ плетьми и жестоко хлестали по голой спинѣ лѣнивыхъ и слабыхъ; кормили невольниковъ скудно и плохо, работать же заставляли какъ днемъ, такъ и ночью. Хуже положенія этихъ несчастныхъ трудно было что-нибудь придумать; народъ прозвалъ галеру «каторгой», отсюда это слово и пошло на Руси, какъ понятіе о мѣстѣ наибольшихъ мученій.

Невозможно описать радость освобожденныхъ невольниковъ; всѣ крестились, плакали, цѣловали запорожцевъ и другъ друга; случалось нерѣдко, что здѣсь встрѣчались братья, родственники, старые друзья и товарищи земляки: ликованію не было конца.

Побросавъ въ море разбитыя оковы, невольники сбрасывали свои рубища, одѣвались въ одежду убитыхъ турокъ, забирали ихъ оружіе и переходили на чайки; затѣмъ съ галеры забиралось все самое цѣнное, а ее пускали ко дну, провертѣвъ дыры въ днѣ и бокахъ судна.

Долго и много разсказывали бывшіе невольники о своемъ пребываніи въ «поганой» землѣ; жадно слушали казаки эти разсказы, а между тѣмъ покойное на видъ море готовило имъ еще нѣчто новое: на горизонтѣ показалось маленькое облачко, быстро разросшееся въ громадную тучу, охватившую въ нѣсколько минутъ полнеба. Порывистый вѣтеръ пробѣжалъ по волнамъ, на вершинахъ ихъ показались сѣдые гребешки «зайчики», вода въ морѣ почернѣла. Съ атаманской чайки глухо прозвучалъ пушечный выстрѣлъ: то былъ сигналъ собираться около нея. Кошевой приказалъ чайкамъ держаться возможно ближе къ его

чайкѣ и другъ къ другу, чтобы вѣтромъ не разбросало ихъ по морю, и внушалъ новичкамъ не бояться непогоды. Вѣтеръ рванулъ сильнѣе и загудѣлъ въ снастяхъ, внезапно хлынулъ дождь, сверкнула молнія, и началась гроза...

Раскаты грома раздавались безпрерывно, молнія за молніей прорѣзывала черное небо, чайки ныряли на громадныхъ волнахъ; казалось, что разсвирѣпѣвшее море поглотитъ утлыя казацкія суденышки, но казаки не даромъ плавали по порожистому Днѣпру: они знали, какъ бороться съ волной.

Въ темнотѣ, какъ бы прорѣзываемой зигзагами ослѣпительныхъ молній, подъ ревъ вѣтра, среди горъ и брызгъ воды, подъ проливнымъ дождемъ отчаянно работали гребцы; голоса рулевыхъ не были слышны; вода, наполнявшая чайки, отливалась шапками, всѣмъ, что только годилось для этой работы. Наконецъ, буря стала стихать, громъ и молніи стали рѣже, небо слегка прояснилось, волны стали не такъ велики,—казаки вздохнули свободнѣе... Черезъ часъ снова весело свѣтило солнце, грозы точно и не бывало: какъ неожиданно она налетѣла, такъ неожиданно и кончилась, только море еще бурлило; вскорѣ и волны стали меньше и перестали перекатываться черезъ чайки, гдѣ шла уже новая работа: все приводилось въ порядокъ, считали людей, смотрѣли, не снесло ли кого въ море волною, сушили одежду, припасы...

Еще нѣсколько дней и ночей плыли казаки по морю, держась вдали отъ береговъ, и, наконецъ, по приказанію кошевого, повернули къ нимъ. Съ жаднымъ любопытствомъ разсматривали запорожцы этотъ край, о которомъ такъ много чуднаго и страшнаго разсказывали освобожденные невольники и старые казаки, бывавшіе здѣсь или во время своихъ прежнихъ морскихъ походовъ, или же въ качествѣ такихъ же бѣдныхъ «полонянниковъ». Остановившись въ морѣ такъ, чтобы не быть замѣченными изъ города, на который запорожцы собирались сдѣлать нападеніе, они высылали двухъ-трехъ человѣкъ изъ опыт-

ныхъ казаковъ, знакомыхъ съ турецкимъ и татарскимъ языками, въ качествѣ шпиговъ, т.-е. шпіоновъ. Эти казаки переодѣвались турками или татарами и на маленькой лодочкѣ ночью, а то и днемъ приставали къ берегу, иногда даже къ самой пристани.

Высадившись, казаки замѣшивались въ толпу и разыскивали знакомыхъ украинскихъ женщинъ и дѣвушекъ, полонянокъ, которыхъ турки дѣлали своими женами; можетъ показаться страннымъ, что запорожцы, не терпящіе никакого бабства, разыскивали украинскихъ женщинъ: дѣло въ томъ, что всѣ плѣнные мужчины, за исключеніемъ принявшихъ исламъ, т.-е. магометанскую вѣру («оптурчившихся», по выраженію казаковъ), работали или на галерахъ, или же въ городѣ въ качествѣ рабовъ, а потому помощи казакамъ никакъ не могли оказать. Женщины же были свободны и, конечно, знали или могли узнать все то, что требовалось разузнать запорожцамъ: сколько въ городѣ войска, какое оно, гдѣ размѣщено и какими силами охраняется крѣпость и городскія ворота, нѣтъ ли гдѣ въ городской стѣнѣ тайнаго входа и т. п.

Собравъ необходимыя свѣдѣнія, уговорившись, если это нужно было, о подачѣ разныхъ сигналовъ изъ города и тому подобномъ, «шпиги» незамѣтно уѣзжали изъ города въ море, гдѣ, присоединившись къ ожидавшимъ ихъ товарищамъ, разсказывали обо всемъ, что узнали въ городѣ, послѣ чего составлялся планъ нападенія.

Это нападеніе производилось обыкновенно одновременно какъ на самый городъ и крѣпость, такъ и на суда, стоящія въ гавани (пристани). Съ наступленіемъ темноты казаки подплывали къ берегу, высаживались недалеко отъ города, оставляли около лодокъ небольшую стражу, а сами осторожно, въ полномъ порядкѣ и тишинѣ подкрадывались къ стѣнамъ города.

Гортанный говоръ турокъ, «невольницкая канта» (пѣснь),

крики торговцевъ, погонщиковъ, ревъ верблюдовъ и ословъ, стукъ и лязгъ желѣза постепенно замолкали. Красивый городъ съ плоскими крышами домовъ и со стройными минаретами мечетей (церквей) засыпалъ. Яркія звѣзды зажигались въ высотѣ неба и подъ серебристымъ свѣтомъ нарождающагося мѣсяца ярко бѣлѣли среди садовъ и черныхъ тѣней стѣны причудливыхъ дворцовъ и домовъ. На верхушкахъ минаретовъ, откуда въ послѣдній разъ заунывно и протяжно прокричалъ муэдзинъ, отчетливо вырисовались въ темномъ небѣ золотые полумѣсяцы. Гдѣ-то пролаяла разъ, другой собака, и все стихло, лишь съ моря доносился глухой шумъ прибоя, заглушающій шаги безмолвно двигающихся запорожцевъ.

Вотъ и мрачныя городскія стѣны. Тихо подвигаются впередъ казаки; три раза подъ рядъ пролаяла собака: то былъ сигналъ... Въ отвѣтъ прокричала выпь; часть казаковъ съ пучками просмоленной пакли въ рукахъ отдѣлилась и быстро исчезла въ темнотѣ: они должны были обойти городъ и по сигналу поджечь всѣ подгороднія постройки, чтобы освѣтить городъ во время предстоящей рѣзни. Еще пролаяла собака, опять отвѣтила выпь. Калитка въ одной стѣнѣ отворилась, и въ ту же минуту кругомъ города замигали огоньки. Сонный турецкій караулъ былъ вырѣзанъ раньше, чѣмъ успѣлъ схватиться за оружіе; разомъ были вышиблены дверцы воротъ, и запорожцы ринулись въ городъ.—«За работу, дитки, до брони!» громовымъ голосомъ воскликнулъ кошевой.—«За виру и Сичь-мати!»—отвѣчали ревомъ «дитки». На сонныхъ улицахъ города замелькали рослые запорожцы, и гдѣ только они показывались, тотчасъ вспыхивало яркое пламя пожара. Подожженный со всѣхъ сторонъ, городъ пылалъ... Крики «Алла!—Бей!—Алла, Абкеръ», ревъ пожара, стукъ оружія, вопли раненыхъ и умирающихъ, трескъ рушившихся зданій, плачъ женщинъ и дѣтей увеличивали страшное впечатлѣніе этой картины казацкаго мщенія.

При началѣ рѣзни запорожцы разбивали двери тюремъ и выпускали на свободу всѣхъ плѣнниковъ; эти послѣдніе, сбросивъ оковы, хватались за первое попавшееся оружіе, разбросанное около труповъ, и довершали дѣло побѣды казаковъ. Трупы турокъ скоро покрыли улицы, площади и сады; запорожцы, обезумѣвшіе отъ крови и выпитаго тутъ же на пожарищѣ вина, врывались во всѣ дома, внося съ собою неминуемую смерть всѣмъ мужчинамъ: женщинъ и дѣтей они не трогали. Мушкетные выстрѣлы становились все рѣже и рѣже, съ казачьихъ сабель кровь обильно стекала на землю; видимо было, что сопротивленіе города падало съ каждой минутой. По улицамъ медленно проѣзжалъ кошевой на прекрасномъ конѣ въ дорогой сбруѣ, взятомъ изъ конюшенъ богатыхъ пашей. Казаки восторженно привѣтствовали своего «батьку атамана». Къ главной площади города казаки несли и везли на взятыхъ коняхъ богатую добычу; мстя за всѣхъ христіанъ, погибшихъ отъ басурманской руки, казаки не забывали и себя: все цѣнное и уцѣлѣвшее отъ огня тащилось въ общую кучу; запоры лавокъ разбивались, и товары цѣликомъ поступали въ «кошъ»,—добыча считалась общимъ достояніемъ. Неотъемлемо принадлежало запорожцу лишь то, что находилъ онъ на убитомъ имъ врагѣ, т.-е. оружіе, платье, перстни, цѣпочки, деньги и пр.

Одновременно съ началомъ рѣзни въ городѣ часть запорожцевъ на чайкахъ, нарочно назначенныхъ, дѣлала нападеніе въ гавани на скученныя здѣсь суда. Турецкія, иноземныя галеры и прочія суда сжигались и топились; защитники ихъ избивались, а товары разграблялись.

Уничтоживъ городъ, запорожцы забирали на чайки и уцѣлѣвшія суда всѣхъ освобожденныхъ невольниковъ и свою добычу и уходили опять въ море.

Въ какомъ именно году начались морскіе походы запорожцевъ, сказать трудно: давно уже небольшія партіи

казаковъ во время ловли рыбы въ устьѣ Днѣпра выходили въ открытое море, гдѣ при случаѣ дѣлали нападенiе на купеческiя галеры турокъ. Съ 1601 по 1612 годъ каждое лѣто запорожцы захватывали по нѣскольку галеръ; со слѣдующаго же 1613 года начались большiе морскiе походы запорожцевъ.

Въ 1613 году запорожцы ходили въ море 2 раза и произвели сильное опустошенiе на западномъ берегу Крыма: турецкiй флотъ загородилъ казакамъ обратный путь въ устьѣ Днѣпра, но запорожцы напали ночью на турокъ, взяли 6 галеръ, а остальныя мелкiя суда потопили. Въ 1614 году запорожцы на сорока чайкахъ въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, обманувъ бдительность турокъ, проскользнули въ Черное море и, пока турки поджидали ихъ около береговъ Крыма, переплыли море по прямому направленiю на югъ, напали на городъ Синопъ, самый цвѣтущiй въ то время городъ Малой Азiи, овладѣли старымъ замкомъ, вырѣзали его гарнизонъ, ограбили и сожгли арсеналъ (складъ военныхъ припасовъ и оружiя), а также суда въ пристани и всѣ мусульманскiе дома; жителей перерѣзали, освободили изъ неволи множество христiанскихъ плѣнниковъ и ушли съ богатой добычей, прежде чѣмъ жители окрестныхъ селенiй успѣли собраться, чтобы дать имъ отпоръ.

Съ тѣхъ поръ какъ турки владѣли Синопомъ, онъ не видалъ въ своихъ стѣнахъ никакихъ непрiятностей; поэтому султанъ турецкiй былъ страшно разгнѣванъ, узнавъ о синопскомъ погромѣ, и приказалъ уничтожить казаковъ во время ихъ возвращенiя. Запорожцы, предвидѣвшiе, что ихъ будутъ стеречь на Днѣпрѣ, подвигались съ большою осторожностью, разузнали, гдѣ именно расположились турки, пристали къ берегу въ другомъ мѣстѣ, перетащили по сухому пути свои чайки, чтобы спустить ихъ въ Днѣпръ повыше того мѣста, гдѣ дожидались ихъ прохода турки. Сухопутное передвиженiе чаекъ было исполнено

съ такою ловкостью и быстротою, что турки успѣли напасть лишь на послѣднихъ запорожцевъ, 200 человѣкъ убили и 20 взяли въ плѣнъ.

На слѣдующій 1615 годъ запорожцы уже на 80 чайкахъ въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ вышли въ Черное море, и на этотъ разъ ихъ смѣлость превзошла всѣ предѣлы: они появились подъ стѣнами самаго Царьграда (Константинополя), столицы турецкаго султана, «окурили», по ихъ выраженію, «городъ мушкетнымъ дымомъ», перепугали самого султана, сожгли въ окрестностяхъ столицы двѣ пристани Мизевну и Архіоки, разграбили по берегамъ Босфора (пролива) множество богатѣйшихъ загородныхъ дворцовъ и домовъ турецкихъ сановниковъ и отправились домой.

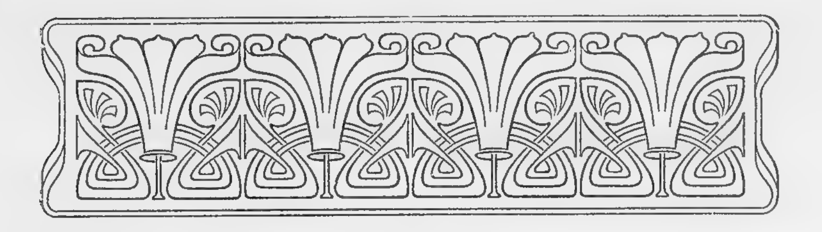
Въ погоню за казаками была послана большая флотилія, которая и настигла ихъ около устья Дуная; казаки вступили съ нею въ сраженіе, перебили много турокъ, взяли въ плѣнъ начальника флотиліи пашу и захватили нѣсколько судовъ, а остальныя потопили и разогнали. Довезя на захваченныхъ судахъ богатѣйшую добычу до Днѣпровскаго лимана, казаки пересѣли на челны и чайки, перегрузили добычу, а суда сожгли.

Во время описываемыхъ походовъ на юго-восточномъ берегу Крыма процвѣталъ городъ Кафа (теперешняя Өеодосія): онъ былъ извѣстенъ какъ главнѣйшій невольничій рынокъ; тысячи христіанскихъ плѣнниковъ, закованныхъ въ цѣпи, продавались какъ скотъ на торговыхъ площадяхъ города; мужчинъ брали гребцами на галеры или для тяжелыхъ работъ, красивыя дѣвушки и женщины покупались знатными пашами въ свои гаремы. Дѣтей безжалостно отрывали отъ матерей, мужей разлучали съ женами, цѣлыя семьи распродавали въ разныя руки. Много горя и слезъ видала Кафа, давно казаки стремились разорить это гнусное гнѣздо, и часъ, наконецъ, пришелъ: весною 1616 года подъ начальствомъ знаменитаго гетмана войска запорожскаго и кошевого Петра Сагайдачнаго казаки вы-

шли въ море, въ Днѣпровскомъ лиманѣ на голову разбили турецкій флотъ, захватили много галеръ и до сотни челновъ, затѣмъ обогнули южный берегъ Крыма и остановились въ виду Кафы. При помощи потурчившихся казаковъ, давно жившихъ въ Кафѣ и перешедшихъ на сторону запорожцевъ, казаки проникли ночью въ городъ, зажгли его со всѣхъ сторонъ и вырѣзали поголовно всѣхъ турокъ. Роскошный городъ былъ сожженъ и разоренъ до тла, тысячи невольниковъ были освобождены и взяты съ собою казаками. Сагайдачный съ войскомъ запорожскимъ былъ торжественно встрѣченъ въ Кіевѣ духовенствомъ и множествомъ ликовавшаго народа. Богатѣйшая добыча и слава была наградою казакамъ за этотъ походъ.

Не довольствуясь этимъ, казаки въ томъ же году разграбили городъ Трапезондъ и разбили на морѣ пашу Цикалу, потопивъ у него нѣсколько галеръ. Каждый годъ со слѣдующаго 1617 г. по 1625 годъ казаки выходили въ море, появились въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ и подъ стѣнами смятеннаго Царьграда, разорили все европейское побережье Турціи въ Черномъ морѣ, сожгли богатый городъ Варну, босфорскій маякъ и нѣсколько другихъ городовъ и селеній, нѣсколько разъ побѣдили турокъ въ морскихъ сраженіяхъ и перебили у нихъ множество народу.

Почти каждый морской походъ запорожцы дѣлали совмѣстно съ днѣпровскими казаками, но въ 1625 и послѣдующихъ годахъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ пришлось обратить свои силы противъ болѣе опасныхъ враговъ: эти враги были польскіе паны, стремившіеся уничтожить на Украйнѣ русскую народность, т.-е. православную вѣру и языкъ русскій, и обратить вольныхъ казаковъ въ своихъ слугъ, хлоповъ. Съ 1625 года морскіе походы хотя и продолжались, но уже рѣже и не такъ счастливо для казаковъ.

IV.

Унія. Угнетеніе народа. Возстанія.

. . . .
„Казачество гйне,
Гйне слàва бàтькивщина;
Немàе де дитись;
Виростаютъ нехрèщени
Козàцкіи дѣти;
Кохàюця невинчани;
Безъ попа ховàютъ;
Запро́дана жидàмъ вѣра,
Въ цирквү не пускаютъ!“
. . . .

Шевченко.

Уже было сказано, что въ 1569 г. поляки съ цѣлью полнаго порабощенія Украйны и Литвы на люблинскомъ сеймѣ добились политической уніи, т.-е. соединенія Литовскаго княжества съ Польшей въ одно государство; это было первымъ шагомъ къ введенію на Литвѣ и Руси внутренняго управленія, одинаковаго съ Польшей.

Съ объявленіемъ люблинской уніи паны начали переселяться въ Украйну и понемногу закрѣпощать народъ русскій; однако это дѣло шло не одинаково и не слиш-

комъ успѣшно въ различныхъ мѣстностяхъ Украйны: первый отпоръ въ своихъ начинаніяхъ паны встрѣтили въ лицѣ вольныхъ жителей, казаковъ, составлявшихъ по приблизительному расчету того времени отъ 40 до 60 тысячъ семействъ, привыкшихъ къ самостоятельности и умѣвшихъ постоять за себя; изъ остальныхъ же жителей Украйны—мѣщанъ и поспольства, т.-е. крестьянства—всего легче шло порабощеніе этихъ послѣднихъ.

Мѣщане, живя большею частью по городамъ, пользовались дарованнымъ королями магдебургскимъ правомъ, т.-е. городскимъ самоуправленіемъ, и потому отъ пановъ не зависѣли. Нельзя сказать, чтобы и простое поспольство легко обратилось въ совершенно послушную рабочую силу, служащую для обогащенія поляковъ; правда, крестьяне работали на пана, но дѣлали это крайне неохотно, часто убѣгали на Запорожье къ казакамъ и смотрѣли на все польское, какъ на чуждое и враждебное имъ; такая отчужденность между панами и ихъ крестьянами происходила главнымъ образомъ отъ различія языка тѣхъ и другихъ.

Итакъ, казачество, этотъ оплотъ народа противъ панскихъ затѣй, а также разница въ языкѣ поляковъ и русскихъ и были тѣми причинами, которыя мѣшали жаднымъ и надменнымъ панамъ захватить крѣпко въ свои руки прекрасную Украйну.

Шляхта понимала, что для скораго и успѣшняго достиженія ихъ цѣли необходимо совсѣмъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить на Украйнѣ какъ казачество, такъ и русскую народность.

Что придумали поляки для обезсиленія казачества, мы уже знаемъ: это реестръ; только 6 тысячъ семействъ вошло въ него, получивъ права шляхты, а остальныя 40 или 50 тысячъ должны были превратиться изъ казаковъ, т.-е. вольныхъ жителей, въ поспольство, т.-е. крѣпостныхъ; эта мѣра, какъ увидимъ ниже, стоила Польшѣ

очень дорого. Для уничтоженія разницы въ вѣрѣ и языкѣ поляки употребили не мало усилій, но, если польскій языкъ, какъ панскій, т.-е. господскій, и находилъ нѣкоторыхъ послѣдователей—въ виду ли удобства сношеній съ поляками, напримѣръ, у торговцевъ, или просто изъ желанія изобразить изъ себя шляхтичей,—то, съ другой стороны, всѣ попытки поляковъ обратить русскій народъ въ католичество потерпѣли полнѣйшую неудачу. Тогда-то поляки придумали ввести «церковную унію», т.-е. соединеніе церквей, православной и католической, подъ общимъ главенствомъ папы римскаго, въ родѣ того, какъ была введена люблинская политическая унія.

Среди русскихъ нашлись измѣнники, которые изъ корысти и желанія угодить полякамъ соглашались принять церковную унію; согласіе ихъ, конечно, не имѣло бы никакой силы и значенія, если бы въ числѣ ихъ не оказалось нѣсколько высшихъ православныхъ духовныхъ лицъ.

Вотъ какимъ нечестнымъ, обманнымъ образомъ была введена церковная унія: въ 1590 году въ Брестѣ собрался соборъ русскихъ епископовъ, чтобы совмѣстно написать прошеніе королю о защитѣ православнаго народа отъ высшаго католическаго духовенства, всячески притѣснявшаго его за упорную твердость въ вѣрѣ отцовъ. Епископу луцкому Кириллу Терлецкому, за подписью всѣхъ присутствовавшихъ дали бѣлую бумагу, на которой тотъ долженъ былъ написать просьбу королю о защитѣ православной церкви, но Терлецкій обманулъ довѣріе собора и на данной ему бумагѣ вмѣсто упомянутой просьбы написалъ просьбу къ папѣ римскому отъ лица всѣхъ православныхъ. Въ этой просьбѣ говорилось, будто бы всѣ православные согласны признать въ папѣ главу церкви и вѣрить, какъ католики, съ условіемъ, чтобы церковная служба совершалась попрежнему, по обрядамъ восточной (православной) церкви на русскомъ языкѣ. Къ Терлецкому присоединились митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза,

чѣмъ-то недовольный константинопольскимъ патріархомъ, и епископъ изъ Владиміра Волынскаго Игнатій Поцѣй.

Терлецкій и Поцѣй отправились въ Римъ и повергли къ стопамъ папы Климента VIII русскую церковь. Папа по этому поводу устроилъ торжество; это было въ 1595 году—время, съ котораго церковная унія считалась дѣломъ совершившимся. Константинопольскій патріархъ, узнавъ объ этомъ, послалъ въ Украйну епископа Никифора, который въ 1596 г. собралъ въ Брестѣ соборъ православныхъ епископовъ и позвалъ на судъ Терлецкаго и Поцѣя, но они отказались явиться. Тогда соборъ объявилъ ихъ низложенными, т.-е. лишенными сана епископскаго и священническаго, и предалъ анаѳемѣ; уніаты отвѣчали отлученіемъ отъ церкви всего православнаго собора.

Хотя ясно видно, что унія была желательна лишь нѣсколькимъ измѣнникамъ, а не всѣмъ православнымъ, но поляки считали себя въ правѣ вводить ее на Украйнѣ силою. Нѣкоторые изъ страха, многіе изъ корысти, а другіе и просто по невѣдѣнію дѣлались уніатами, но громадное большинство народа русскаго не хотѣло признавать унію; по городамъ и селамъ появились при православныхъ церквахъ братства: прихожане соединялись въ такія общества, которыя дѣлали все возможное для защиты православной вѣры: помогали церквамъ деньгами, заводили школы, гдѣ воспитывали дѣтей въ духѣ православной вѣры, писали и печатали книги противъ католичества и уніи.

Католики же, имѣя на своей сторонѣ силу, поступали нѣсколько иначе: помогая католическимъ храмамъ и уніатскимъ церквамъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяли православнымъ возобновлять старыя церкви, чинить обветшавшія, строить новыя; при всякомъ поводѣ, а то и безъ повода разрушали православные храмы или превращали ихъ въ уніатскіе и на мѣста умершихъ священниковъ не позволяли назначать новыхъ. Благодаря этимъ мѣрамъ

во многихъ мѣстахъ православный народъ былъ лишенъ возможности исполнять духовныя требы: крестить младенцевъ, хоронить умершихъ, говѣть, причащаться, вѣнчаться. Мало того: паны по наущенію ксендзовъ (католическихъ священниковъ) для окончательнаго поруганія и униженія православія, а также и въ видахъ собственной выгоды стали сдавать въ аренду жидамъ, кромѣ имѣній, и православныя церкви: если рождалось у хлопа дитя, то онъ не могъ крестить его, не заплативъ жиду пошлину «дудку»; если хлопъ хотѣлъ женить сына или выдать замужъ дочь, то долженъ былъ заплатить «поемщину»; вообще за всѣ церковныя требы платилось жиду арендатору. Если же нечѣмъ было заплатить, то дитя оставалось не крещенымъ по нѣскольку лѣтъ, случалось, что и умирало безъ этого таинства, а молодые люди должны были сходиться между собою безъ вѣнчанія.

Несмотря на всѣ униженія и гоненія вѣры православной, народъ оставался непоколебимъ; хлопъ, убѣгавшій въ казачество отъ власти и произвола пана, вносилъ туда глубокую сердечную ненависть ко всему панскому, жидовскому и ляшскому, такъ какъ панъ его былъ или сдѣлался ляхомъ. Вмѣстѣ со всѣмъ панскимъ ненавистна ему была и вѣра панская, т.-е. католическая, и унія, которую панъ изъ произвола насильно навязывалъ ему.

Такимъ образомъ казаки, а изъ нихъ въ особенности запорожцы, не чувствовавшіе надъ собою панской власти, могли сдѣлаться и сдѣлались главными и почти единственными защитниками православной вѣры и русской народности.

Тяжелое рабство, нахальство и произволъ пановъ, хищничество жидовъ арендаторовъ, ограниченіе казачества реестромъ, а главное, преслѣдованіе поляками православія заставили Украйну неоднократно браться за оружіе; запорожцы, какъ ревностные защитники православія, становились всегда во главѣ возстанія.

Уже въ 1593 и 1595 годахъ были сильныя вспышки народнаго неудовольствія, но оба возстанія, какъ первое—Косинскаго, такъ и второе—Наливайко и Лободы, не имѣли успѣха.

Косинскій былъ убитъ, а Наливайко, одержавъ надъ поляками большую побѣду подъ Бѣлою Церковью, попался затѣмъ имъ въ плѣнъ: возмущеніе было подавлено, и поляки жестоко расправились съ возставшими, особенно съ ихъ предводителемъ — Наливайко.

Есть сказаніе, что во время пребыванія Наливайко въ тюрьмѣ, ему намѣренно не давали спать: при немъ были безотлучно два литаврщика (барабанщика), которые начинали колотить въ литавры, какъ только Наливайко хотѣлъ задремать. О казни его разсказываютъ разное: одни говорятъ, что ему отрубили голову, а затѣмъ четвертовали тѣло и разрубленные члены выставили на показъ и поруганіе; по другимъ разсказамъ, его посадили верхомъ на раскаленнаго желѣзнаго быка или коня и до тѣхъ поръ поджаривали его на медленномъ огнѣ, пока были слышны его крики.

Несмотря на жестокую казнь Наливайко и на тѣ строгія мѣры, какія употребили поляки противъ его соучастниковъ, порядокъ и спокойствіе не возстановились на Украйнѣ; ожесточенная вражда между всѣмъ не шляхетскимъ, какъ-то: казаками и хлопами, съ одной стороны, и всѣмъ шляхетскимъ панскимъ и польскимъ съ другой, разгоралась съ каждымъ днемъ; и можно было ожидать новаго и еще сильнѣйшаго возстанія, но нѣкоторыя внѣшнія событія отсрочили его на нѣсколько лѣтъ. Вспыхнувшая война съ московскимъ царствомъ, на престолъ котораго послѣ Гришки Отрепьева поляки хотѣли посадить своего королевича Владислава, дала Польшѣ возможность сплавить на время изъ Украйны наиболѣе безпокойныхъ; панамъ и магнатамъ было разрѣшено набирать среди казаковъ вольные отряды для похода въ Мо-

сковское государство. Для казацкой удали настало раздолье; всѣ тѣ, которымъ было безразлично, гдѣ бы ни сражаться, лишь бы сражаться да имѣть добычу, охотно поступали въ эти отряды. Польша сдѣлала крупную ошибку, дозволивъ набирать охотниковъ многимъ панамъ сразу, а не взявши этого дѣла въ свои руки: одновременно съ вербовкой отрядовъ для похода на Москву, на Украйнѣ стали составляться изъ казаковъ, мѣщанъ и бѣглыхъ хлоповъ вольныя шайки, «купы», которыя сами выбирали себѣ предводителей, называвшихся «казацкими полковниками», и дѣлали наѣзды на панскія усадьбы. Напрасно польское правительство, спохватившись, приказывало старостамъ и другимъ должностнымъ лицамъ уничтожать эти «купы»,— обстоятельства благопріятствовали ихъ развитію. Первые же паны, постоянно ссорившіеся между собою и устраивавшіе со своею челядью (слугами) другъ другу цѣлыя сраженія, приглашали участвовать въ своихъ наѣздахъ казачьи купы.

Суровыя мѣры, употреблявшіяся поляками противъ этихъ шаекъ, еще болѣе разжигали ненависть казачества и поспольства противъ нихъ: число купъ не уменьшалось, а увеличивалось, число охотниковъ казаковать на Украйнѣ дѣлалось все больше и больше. Походъ на Москву не могъ вытянуть ихъ всѣхъ изъ Украйны, поэтому участились и усилились морскіе «поиски» и набѣги на Крымъ; вообще начало XVII столѣтія, т.-е. описываемое здѣсь время, отличалось особымъ развитіемъ казачества на Украйнѣ. На Запорожьѣ гетманомъ Сагайдачнымъ былъ окончательно устроенъ кошъ и постройка Сѣчи на Хортицѣ; начавшаяся война съ Турціей послужила предлогомъ для казаковъ не признавать реестра, а для хлоповъ— переходить въ казачество.

Переходя въ казачество, хлопы не желали больше служить панамъ, но присвоивали себѣ грунты—поземельные участки, которые давались имъ панами. Невозможно

было разобрать, кто настоящій казакъ и кто только самъ себя называетъ этимъ именемъ. Начавшаяся война была несчастна для поляковъ; подъ Цецерою турки ихъ разбили, предводитель поляковъ, коронный гетманъ Жолкѣвскій, палъ въ битвѣ. Тогда поляки стали искать помощи у гетмана Сагайдачнаго, который умѣлъ поставить себя такъ, что поляки его побаивались и уважали за умъ и храбрость; Сагайдачный помогъ имъ, и въ 1620 году подъ Хотиномъ, благодаря лишь храбрости его запорожцевъ, турки были разбиты на голову. Имя Сагайдачнаго должно навсегда остаться въ памяти народа русскаго: кромѣ его блестящихъ побѣдъ надъ турками и татарами на сушѣ и на морѣ, онъ отнялъ у уніатовъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ, построилъ тамъ же братскій монастырь и отдалъ все свое имѣніе на устройство при этомъ монастырѣ школы, изъ которой вышла впослѣдствіи теперешняя духовная Кіевская академія, потрудившаяся не мало и не безуспѣшно на защиту православія на Украйнѣ. Самымъ же главнымъ дѣломъ Сагайдачнаго было возстановленіе для украинской церкви православной іерархіи взамѣнъ уніатской: воспользовавшись проѣздомъ черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Өеофана, онъ упросилъ его посвятить Іова Борецкаго въ санъ православнаго кіевскаго митрополита, взамѣнъ измѣнившаго православію Михаила Рагозы.

Это было въ 1620 году, незадолго до Хотинскаго сраженія, когда Польша нуждалась въ помощи казаковъ. Патріархъ согласился, и, кромѣ митрополита, было посвящено еще нѣсколько архіереевъ. Появленіе на Украйнѣ новаго православнаго митрополита и епископовъ нанесло тяжелый ударъ стараніямъ католиковъ, которые справедливо основывали всѣ свои надежды на томъ именно, что у православныхъ не было іерархіи, которая могла бы оказать сильное сопротивленіе ихъ проискамъ.

Подъ Хотиномъ Сагайдачный былъ раненъ и ушелъ въ

монастырь; вскорѣ онъ умеръ. Послѣ его смерти король Сигизмундъ III, заклятый врагъ православія, объявилъ новопоставленныхъ православныхъ архіереевъ незаконными и приказалъ предавать ихъ суду, но было уже поздно: казачество, усилившееся за послѣднее десятилѣтіе, а за нимъ и посполитство не дали погибнуть возникшей вновь іерархіи, благодаря вооруженному вмѣшательству въ дѣло вѣры.

Унія попрежнему продолжала вводиться на Украйнѣ, народъ такъ же сильно терпѣлъ отъ пановъ и жидовъ арендаторовъ; наконецъ, терпѣнія больше не стало, и казаки отъ имени всѣхъ православныхъ Украйны попытались еще разъ добиться у короля и сейма нѣкоторыхъ правъ для православной церкви, для себя и облегченія участи посполитства. Въ 1625 году на сеймѣ казаки просили:

Обезпечить древнюю православную церковь, удалить уніатовъ, признать законность духовныхъ лицъ, посвященныхъ іерусалимскимъ патріархомъ, отмѣнить стѣснительныя для казаковъ постановленія, т.-е. дозволить переходить въ казачество всѣмъ желающимъ, а не ограничивать число ихъ только 6 тысячами реестровыхъ, дозволить казакамъ судиться самимъ между собою, разрѣшить безпрепятственно ходить на рыбные и звѣриные промыслы въ Сѣчь, а оттуда предпринимать морскіе походы, вывести съ лѣвобережной Украйны жолнеровъ (польская конница), которые притѣсняютъ жителей, дозволить казакамъ поступать на постоянную службу и пр.

Къ этой просьбѣ былъ приложенъ перечень тѣхъ утѣсненій, которыя терпитъ на Украйнѣ православная церковь. Ненависть къ уніатамъ и католикамъ однако была такъ велика, что, прежде чѣмъ полученъ былъ отказъ сейма въ просимомъ, въ кіевскомъ воеводствѣ началось возстаніе. Старосту г. Кіева Ходыка, который запечатывалъ православныя церкви, убили, католическій монастырь разгра-

били, священника его убили также и послали по совѣту митрополита Іова московскому царю посольство съ просьбою принять казаковъ подъ свое покровительство.

Случай этотъ указываетъ на тотъ фактъ, что православная Украйна уже тогда чувствовала тяготѣніе къ единовѣрческой Москвѣ и понимала, что только въ рукахъ русскаго царя находится ея спасеніе отъ гнета Польши. Русскій царь, занятый благоустройствомъ своей земли послѣ тяжелыхъ годинъ смутнаго времени, не могъ, если бы и хотѣлъ, помочь Украйнѣ: новая война съ Польшей была бы не по силамъ Москвѣ. Коронный гетманъ Конецпольскій получилъ приказаніе укротить казаковъ оружіемъ. Казаки сначала уклонились отъ сраженія съ польскимъ войскомъ, но, когда гетманъ Жмайло прибылъ къ нимъ съ пушками и 6-ю тысячами запорожцевъ, къ которымъ ѣздилъ въ Сѣчь за помощью, рѣшили начать сраженіе.

У Крылова произошло первое столкновеніе; казаки дрались храбро, но затѣмъ, найдя мѣсто неудобнымъ для себя, перешли къ старому Городищу надъ Кураковскимъ озеромъ, гдѣ стали укрѣпленнымъ таборомъ; поляки пришли туда же и стали противъ нихъ.

Таборъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ укрѣпленія изъ телѣгъ, которое запорожцы придумали строить противъ татаръ еще во время походовъ на Крымъ. Таборъ давалъ возможность съ малыми силами успѣшно бороться противъ многочисленнаго непріятеля; таборъ строился какъ на мѣстѣ, такъ и во время движенія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ представлялъ изъ себя четвероугольникъ, каждую сторону котораго составляли ѣхавшія въ три ряда телѣги; въ самой серединѣ везли припасы и разное добро, вели запасныхъ лошадей и гнали скотъ; ближе къ телѣгамъ везли пушки, и шла пѣхота, а снаружи табора ѣхала густыми рядами конница, закрывая его отъ взоровъ непріятеля. Часть конницы разсыпалась далеко впе-

реди и по бокамъ табора для охраны его отъ неожиданнаго нападенія и для добычи «языка»; языкомъ называли тѣхъ изъ захваченныхъ въ плѣнъ враговъ, которыхъ пытали, чтобы собрать свѣдѣнія о силахъ, намѣреніяхъ врага.

При столкновеніяхъ съ непріятелемъ во время движенія, таборъ не останавливался безъ крайней необходимости, а отбивался на ходу, какъ могъ, пока не достигалъ какой-нибудь воды: рѣки, озера и т. п., и тогда останавливался. Телѣги поворачивались оглоблями въ середину такъ, чтобы онѣ сцѣпились между собою осями; пѣхота располагалась за телѣгами, высунувъ наружу копья. Пушки разставлялись въ воротахъ, т.-е. промежуткахъ между телѣгами, конница размѣщалась по сторонамъ и сзади табора, небольшая часть ея направлялась къ противнику и начинала вызывать желающихъ на «герцы», или единоборство отдѣльныхъ всадниковъ; постепенно герцы переходили въ болѣе крупныя схватки, и въ концѣ-концовъ начиналось настоящее сраженіе, конница отступала на таборъ и, когда врагъ отстоялъ отъ него на хорошій ружейный выстрѣлъ, разъѣзжалась вправо и влѣво, открывая пѣхоту и пушки. Тѣ разомъ выпаливали по врагу, а конница, стоявшая по сторонамъ табора, кидалась на непріятеля съ боковъ; иногда часть пѣхоты выходила изъ табора и поднимала врага на копья.

Если таборъ долго стоялъ на мѣстѣ, то онъ еще и укрѣплялся; къ телѣгамъ присыпался валъ со рвомъ, въ валу продѣлывались ворота, забранныя толстыми бревнами, и по сторонамъ присыпались городки, т.-е. горки, на которыя втаскивали пушки; среди табора ставились срубы, осыпанные землей и вооруженные пушками, чтобы отразить врага, прорвавшагося внутрь табора; впереди лежащее поле иногда утыкалось поломаннымъ оружіемъ, желѣзными колючками, или же на немъ вырывались рвы и ямы, закрываемые потомъ хворостомъ, дерномъ, травою:

все это дѣлалось для того, чтобы возможно долѣе задержать врага подъ пушечными и ружейными выстрѣлами.

Таборъ, подобный описанному, казаки поставили надъ Кураковымъ озеромъ. Нѣсколько дней прошло въ дракахъ съ поляками, наконецъ казаки, сильно стѣсненные, согласились покориться. Жмайла смѣнили съ гетманства, но не выдали полякамъ; вмѣсто него выбрали Дорошенко. Съ казаками былъ заключенъ договоръ, въ которомъ говорилось, что всѣ принявшіе участіе въ возстаніи освобождаются отъ наказанія, но на самомъ дѣлѣ это не было исполнено: тѣ, которые жили на коронныхъ земляхъ, были оставлены въ покоѣ; тѣ же, которые бѣжали къ Жмайлу изъ панскихъ усадьбъ, попались опять въ руки панамъ, которые не хотѣли знать никакого договора и жестоко расправлялись съ виновными. Недовольныхъ, озлобленныхъ прибавлялось съ каждымъ днемъ.

Послѣ кураковскаго договора былъ пересмотрѣнъ и составленъ реестръ вновь; многіе, состоявшіе въ немъ ранѣе, были исключены и замѣнены другими; получились такъ называемые «выписчики», или выписанные, исключенные изъ реестра. Считая себя вполнѣ законно казаками, выписчики не хотѣли сдѣлаться изъ вольныхъ людей крѣпостными королевскихъ старостъ, а потому въ 1630 году провозгласили гетманомъ Тараса; часть реестровыхъ признала его, а другая выбрала Грицька Чернаго; король утвердилъ послѣдняго.

Тарасъ бѣжалъ на Запорожье и началъ сзывать къ себѣ казаковъ, объявляя, что не Грицько, стоящій съ поляками заодно, — гетманъ, а онъ, Тарасъ, выбранный по казацкому обычаю вольными голосами. Народъ побѣжалъ на Запорожье толпами. Тарасъ съ запорожцами и съ приставшими къ нему появился на Украйнѣ, захватилъ Грицько и казнилъ его. По всей Украйнѣ вспыхнуло возстаніе; пановъ, жидовъ, жолнеровъ, которыхъ Тарасъ требовалъ вывести съ постоя изъ Украйны, на-

чали избивать. Толпы народа, вооруженнаго какъ и чѣмъ попало, приставали къ Тарасу каждый день.

Мы видимъ, что это возстаніе, имѣвшее вначалѣ характеръ домашняго междоусобія двухъ казацкихъ гетмановъ, превратилось въ разгромъ всего польскаго и панскаго на Украйнѣ.

Подъ Корсунемъ Тарасъ встрѣтился съ польскимъ войскомъ; та часть реестровыхъ казаковъ, которая раньше стояла за Грицько Чернаго, перешла на сторону Тараса; поляки были разбиты и бѣжали. Война продолжалась счастливо для казаковъ, но самъ Тарасъ попался въ руки поляковъ и былъ казненъ ими. Казаки, лишенные хорошаго предводителя, не могли сопротивляться съ прежнимъ успѣхомъ и заключили съ поляками миръ, по которому не пріобрѣтали никакихъ новыхъ правъ.

Въ 1632 году скончался король Сигизмундъ III, врагъ православія казаковъ.

Казаки, поддерживаемые запорожцами, всячески хлопотали объ избраніи въ короли сына Сигизмунда III, королевича Владислава, расположеннаго къ казакамъ еще со времени похода на Москву.

Паны были очень недовольны вмѣшательствомъ казаковъ въ это дѣло сейма и особенно тѣмъ, что казаки обѣщали Владиславу въ будущемъ поддерживать съ оружіемъ въ рукахъ его королевскую власть надъ панами. Владиславъ былъ выбранъ королемъ и, понимая, какое важное значеніе могутъ имѣть казаки для королевской власти, далъ православнымъ дипломъ (бумагу), въ которомъ ясно и опредѣленно была высказана свобода православнаго исповѣданія: каждому дозволено было переходить изъ православія въ унію, изъ уніи въ православіе или католичество; православнымъ предоставлялось право избирать митрополита, посвящаемаго константинопольскимъ патріархомъ, и признавалась законность всего православнаго духовенства.

Мы видимъ, что въ 1620 году гетманъ Сагайдачный возстановилъ на украйнѣ православную іерархію, а въ 1632 году всѣ вообще казаки добились признанія законности этой іерархіи. Не будь у народа русскаго защиты ихъ интересовъ въ лицѣ казачества, а среди него главнымъ образомъ запорожцевъ, не было бы навѣрное ни перваго, ни второго.

Итакъ, православные добились своего: Владиславъ предоставилъ равную свободу какъ уніатамъ, такъ и православнымъ: казалось, что могло быть справедливѣе? Но скоро оказалось, что свобода православной религіи должна существовать болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. За православіе стояла лишь громада простого порабощеннаго народа, а за унію—всѣ папы, которые вовсе не были расположены признавать королевскій дипломъ и попрежнему помогали уніатамъ въ ущербъ православнымъ. Пока унія—источникъ всѣхъ раздоровъ—не была уничтожена, всѣ льготы и права православію не могли имѣть силы. Насильственное введеніе уніи и стѣснительныя мѣры противъ казаковъ не прекращались; между прочимъ въ 1635 г. на Днѣпрѣ выше пороговъ была построена крѣпость Кодакъ, долженствующая задерживать выходы днѣпровскихъ казаковъ въ море. Турецкій султанъ, въ конецъ раздраженный разореніями, производимыми казаками на всемъ побережьѣ Чернаго моря, требовалъ, чтобы Польша уняла казаковъ, а въ противномъ случаѣ грозилъ ей войной. Польша обязалась не допускать выхода въ море днѣпровскихъ казаковъ; что же касается запорожскихъ, то она признала себя безсильною и просила султана безпощадно ихъ преслѣдовать.

Въ томъ же 1635 году днѣпровскіе казаки, ходившіе въ море совмѣстно съ запорожскими, поднимаясь на челнахъ вверхъ по Днѣпру, увидѣли небывалую доселѣ крѣпость. Атаманъ Сулима немедленно распорядился напасть на нее; крѣпость была взята, и весь ея гарнизонъ былъ вырѣзанъ до послѣдняго человѣка.

Реестровымъ казакамъ приказано было схватить Сулиму; этотъ послѣдній, понимая, что такое дѣло ему не пройдетъ даромъ, всталъ въ степи таборомъ и сталъ сзывать къ себѣ народъ. Реестровые казаки, не вступая въ бой, хитростью схватили Сулиму; онъ былъ казненъ, и его люди разбѣжались.

Реестровые дорожили своимъ положеніемъ и потому безъ надежды на успѣхъ не хотѣли начинать возстанія; это и заставило ихъ поступить такъ предательски съ своимъ же товарищемъ казакомъ.

Въ награду за вѣрность реестровыхъ разрѣшено было вписать въ реестръ еще тысячу человѣкъ; всего ихъ стало 7 тысячъ.

Однако спустя два года, въ 1637 г., эти же самые реестровые казаки приняли участіе въ новомъ возстаніи, отчасти недовольные задержкою въ выдачѣ жалованья, а главнымъ образомъ изъ сочувствія къ народному дѣлу.

Возстаніе подготовлялось уже давно, недоставало лишь смѣлаго предводителя. Въ это самое время возвратились изъ Крыма запорожцы, гдѣ, по сказанію, они «малыми силами побѣдили и въ прахъ обратили многочисленнаго непріятеля». Услыхавъ о томъ, что творится на Украйнѣ, нѣкто Павлюкъ съ толпою запорожскихъ удальцовъ налетѣлъ на городъ Черкасы, забралъ пушки (армату) реестроваго войска и увезъ ихъ на Запорожье.

«Тутъ имъ слѣдуетъ быть!» сказалъ онъ.

Гетманъ Томиленко могъ бы, конечно, отбить пушки у запорожцевъ, но онъ, какъ и всѣ остальные, тайно имъ сочувствовалъ. Предъ поляками онъ оправдался тѣмъ, что ими же строго запрещены были вооруженныя ссоры и драки между казаками.

Павлюкъ между тѣмъ разослалъ по Украйнѣ универсалъ (бумагу), которымъ призывалъ весь народъ въ казачество: «всякъ, кто пожелаетъ быть казакомъ, не долженъ быть принуждаемъ къ подданству панамъ», говорилось

въ немъ. Подобное приглашеніе было какъ нельзя болѣе по сердцу очень многимъ, а потому толпы бѣглыхъ хлоповъ стали прибывать къ Павлюку каждый день. Павлюкъ приглашалъ къ себѣ и реестровыхъ казаковъ, предлагая имъ составить съ запорожцами одну семью, единое и настоящее войско запорожское, именемъ котораго назывались гетманы, съ тѣмъ, чтобы не Черкасы, а Сѣчь была главнымъ городомъ казаковъ. Здѣсь должны были находиться: войсковая армата, бунчуки и пр., и жить всѣ старшины казацкіе; простые же казаки могли бы обитать по своимъ хуторамъ и мѣстечкамъ, всегда готовые явиться на службу по зову начальниковъ.

Если бы все то, что предполагалъ сдѣлать Павлюкъ, ему удалось привести въ исполненіе, то вся войсковая старшина съ гетманомъ во главѣ перестала бы находиться подъ вліяніемъ поляковъ, а потому реестровые совмѣстно съ запорожцами, сильные своимъ единствомъ, добились бы увеличенія правъ какъ казачества, такъ и всего простого народа.

Томиленко медлилъ, но видимо склонялся на сторону Павлюка и возставшихъ; поляки, провѣдавъ объ этомъ, смѣнили его съ гетманства и выбрали Кононовича, человѣка во всемъ имъ послушнаго. Объ избраніи новаго гетмана дали знать королю; вѣсть объ этомъ однако дошла ранѣе до Павлюка, чѣмъ до короля; Павлюкъ выслалъ небольшой отрядъ отчаянныхъ головорѣзовъ, который, быстро пройдя волновавшуюся уже Украйну, неожиданно ворвался глухою ночью въ Переяславль, гдѣ находился Кононовичъ. На глазахъ у ошеломленныхъ жителей запорожцы схватили Кононовича и другихъ вновь поставленныхъ старшинъ, сторонниковъ поляковъ связали и увезли за Днѣпръ.

Здѣсь въ Крыловѣ собралась рада; измѣнниковъ судили и казнили; эта же рада выбрала гетманомъ Павлюка. Польскій коронный гетманъ приказалъ Павлюку явиться къ себѣ для объясненій по поводу возникшихъ безпоряд-

ковъ, ручаясь за его безопасность, но Павлюкъ не явился, прекрасно зная, что это обманъ: стоило ему лишь показаться, чтобы его сейчасъ же схватили и казнили. Желая выиграть время, онъ просилъ гетмана сначала прислать ему отъ короля знаки гетманскаго достоинства: хоругвь, булаву и бунчукъ; другими словами, онъ просилъ, чтобы король призналъ его гетманомъ, а также и того, чтобы признали казаками всѣхъ тѣхъ хлоповъ, которые пристали къ нему. Коронный гетманъ отказалъ.

Между тѣмъ возстаніе широкой волной разлилось по Украйнѣ; народъ началъ истреблять пановъ, жидовъ, ксендзовъ и жолнеровъ, панскія усадьбы и костелы запылали. Павлюкъ стоялъ на Запорожьѣ и сносился съ крымскимъ ханомъ, прося его помочь войскомъ, но ханъ отказалъ.

Павлюкъ потерялъ время, и когда наконецъ появился на Украйнѣ съ запорожцами и толпами бѣглыхъ хлоповъ, то было уже поздно: поляки успѣли собрать большое войско. Подъ Кулейками казаки были разбиты, отступили къ Боровицѣ, гдѣ смирились и выдали полякамъ Павлюка и Томиленко; другіе старшины бѣжали въ Сѣчь. Поляки расхрабрились и послали туда отрядъ для поимки остальныхъ зачинщиковъ возстанія, но когда полковникъ Мелецкій остановился около Днѣпра въ виду самой Сѣчи и послалъ требованіе о выдачѣ бѣглецовъ, то казаки отвѣтили на него дерзкимъ письмомъ. Мелецкій попробовалъ было дѣйствовать силою, но былъ разбитъ и едва ушелъ отъ Сѣчи живымъ.

Это возстаніе, такъ неудачно окончившееся, тяжело отозвалось на Украйнѣ: гнетъ пановъ сталъ еще сильнѣе.

Въ слѣдующемъ 1638 году возстаніе вспыхнуло съ новою силою подъ начальствомъ Остраницы и Гуни. Движеніе началось, какъ всегда, съ Запорожья. Казаки плыли на лодкахъ по Днѣпру, а часть ихъ шла вдоль берега. Городъ Кременчугъ и прилегающія къ нему слободы перешли на сторону Остраницы. 5-го мая подъ

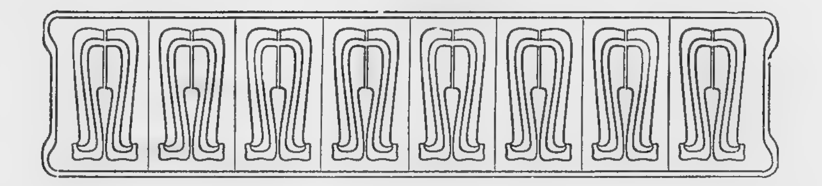
Голтвою поляки понесли сильное пораженіе, но затѣмъ Остраница своею неосторожностью испортилъ все дѣло: не дождавшись прибытія свѣжихъ подкрѣпленій, онъ началъ сраженіе подъ Лубнами и былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Вскорѣ несогласія въ средѣ самихъ же казаковъ дали полякамъ возможность погасить начавшееся возстаніе. Остраница, а за нимъ и Гуня бѣжали въ предѣлы московскаго государства, съ оставшимися же поляки жестоко расправились и рѣшили коренным образомъ передѣлать казачество: вмѣсто гетмановъ назначили польскихъ комиссаровъ, польскіе шляхтичи поставлены были казацкими полковниками и сотниками, чайки сожжены, подъ страхомъ смерти запрещено уходить въ Сѣчь и плавать въ морѣ, на казаковъ наложены были тяжкія подати, въ реестръ вписывались только послушные панской волѣ уніаты. На ряду съ казаками простое посполььство было еще сильнѣе порабощено, панскій гнетъ сталъ невыносимъ, солдатамъ польскимъ было разрѣшено безнаказанно грабить и мучить народъ; лѣтописецъ украинскій говоритъ, «что многихъ знатныхъ четвертовали, а иныхъ вѣшали. И съ того времени всякую свободу у казаковъ отняли, и тяжкія и вымыслныя подати наложили необычайно, церкви и церковные обряды жидамъ запродали, дѣтей казачьихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискивали и пр.».

Цѣлый рядъ описанныхъ возстаній не имѣлъ успѣха, потому что это были возстанія лишь одних казаковъ, сражавшихся за расширеніе своихъ правъ, и принимавшія лишь отчасти характеръ народныхъ возстаній. Такъ, возстанія Жмайла, Тараса, Сулимы, Павлюка, Остраницы и Гуни не отразились ни на правобережной Украйнѣ, ни на Волыни, гдѣ главнымъ образомъ изнывала въ рабствѣ громада простого посполььства, изъ которой только немногіе приставали къ казакамъ, такъ какъ народъ видѣлъ, что въ договорахъ, заключаемыхъ казаками по

окончаніи возстаній, пропускалось обыкновенно все то, что могло облегчить его положеніе.

Если бы нашелся такой человѣкъ, который сумѣлъ бы поднять духъ всего народа, то этотъ послѣдній не пощадилъ бы своихъ силъ для дѣла освобожденія; цѣлыхъ 10 лѣтъ пришлось народу ждать такого человѣка и находиться въ рабствѣ. Освободилъ его отъ этого рабства бывшій войсковой писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій.

V.

Освобожденіе Украйны. Богданъ Хмельницкій.

„Слава його казацька не вмре, не поляже"...
. . . .
—„Та немае лучче,
Та немае красче,
Якъ въ насъ на Вкрайни;
Та немае ляха,
Та немае жида,
Та немае уніи!"

На хуторѣ Субботовѣ, недалеко отъ Чигирина (Кіевск. губ.), жилъ бывшій войсковой писарь Зиновій Богданъ Хмельницкій, отецъ котораго былъ казачьимъ сотникомъ. Хмельницкій въ молодости учился въ Кіевской Братской школѣ, а затѣмъ и въ польскихъ школахъ, бывалъ за границею и вообще по своему времени былъ человѣкъ ученый. Пребываніе въ польской школѣ между панами сдѣлало его хитрымъ и скрытнымъ.

Несмотря на свою близость къ полякамъ, Хмельницкій оставался въ душѣ настоящимъ казакомъ, любилъ Украйну и болѣлъ сердцемъ, видя ея бѣдствія. Поссорившись съ однимъ знатнымъ паномъ, Хмельницкій принужденъ былъ

бѣжать на Запорожье, участвовалъ въ походахъ запорожцевъ на татаръ и турокъ и былъ извѣстенъ полякамъ, какъ храбрый воинъ и умный казакъ.

Воротившись на Украйну, онъ велъ себя очень осторожно и даже исполнялъ должность войскового писаря. Впрочемъ, за участіе въ возстаніи Остраницы былъ пониженъ до званія сотника чигиринскаго полка.

Около 1644 года король Владиславъ вознамѣрился затѣять войну съ Турціей. Онъ предвидѣлъ, что своевольство пановъ и внутренніе безпорядки доведутъ Польшу до гибели и что ее можно спасти единственно усиленіемъ королевской власти въ ущербъ панскимъ правамъ. Король рѣшился начать большую войну съ тѣмъ, чтобы сеймъ разрѣшилъ нанять иноземное войско, которое вмѣстѣ съ казаками дало бы ему возможность по окончаніи войны силою обуздать пановъ и сеймъ.

Все это король держалъ въ тайнѣ, но, разъ начиналась война съ Турціей, безъ казаковъ обойтись было невозможно; они же должны были впослѣдствіи помочь королю противъ пановъ, а потому казаковъ слѣдовало заранѣе расположить въ свою пользу и главное усилить.

Владиславъ обѣщалъ казакамъ увеличить ихъ число на 12 тысячъ человѣкъ, т.-е. всего до 20 тысячъ съ реестровыми, въ чемъ далъ имъ тайно отъ пановъ грамоту, или привилегію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ казакамъ было передано черезъ ихъ выборныхъ красное адамашковое знамя съ бѣлымъ орломъ и 6000 золотыхъ на постройку чаекъ. Въ числѣ этихъ выборныхъ былъ и Хмельницкій.

Однако паны провѣдали о замыслахъ короля, не позволили ему нанимать иноземное войско и возобновили мирный договоръ съ Турціей. Война не состоялась.

«Старшой» (гетманъ) казачій Барабашъ, увидя, чѣмъ кончилась попытка короля, разсчиталъ, что паны сильнѣе его и угождать надобно имъ, а не королю, поэтому онъ

спряталъ королевскую грамоту и запретилъ казакамъ строить чайки и готовиться къ войнѣ.

Хмельницкій, узнавъ, что Барабашъ спряталъ королевскую грамоту, рѣшилъ отнять ее, чтобы объявить казакамъ. Онъ пригласилъ Барабаша къ себѣ въ гости и, когда этотъ послѣдній напился пьянъ, послалъ своего джуру (такъ назывались молодые казаки, служившіе старымъ) къ женѣ Барабаша съ просьбою, какъ бы отъ лица ея мужа, отдать ту бумагу, которую онъ получилъ отъ короля.

Джура ночью примчался на хуторъ старшого и громкимъ стукомъ въ ворота разбудилъ Барабашиху.

«Пани, — сказалъ джура, — запльесь пани съ твоимъ паномъ порубають, такъ винъ приславъ, чтобъ дали ти права, что отъ короля прислани». — «Лихомъ ему занудилось, що зъ Хмельницкимъ гуляти хотилось», отвѣчала испуганная Барабашиха. «Оттамъ въ стипи пидъ воротьми въ глухомъ кинци у пуздерку въ земли!»

Джура отыскалъ погребецъ, взялъ грамоту и ускакалъ. Старшой, очнувшись отъ попойки, узналъ, какую штуку продѣлалъ съ нимъ Хмельницкій, и возненавидѣлъ его за это. Барабашъ боялся, что за необъявленіе грамоты казаки его убьютъ. Онъ началъ клеветать на Хмельницкаго старостѣ чигиринскому Конецпольскому.

Полякъ Чаплинскій воспользовался тѣмъ, что Конецпольскій, благодаря клеветамъ Барабаша, сильно подозрѣвалъ Хмельницкаго въ мятежныхъ замыслахъ, и упросилъ его позволить ему отнять у Хмельницкаго хуторъ Субботово. Чаплинскій былъ давно уже въ ссорѣ съ Хмельницкимъ изъ-за какой-то польки, которую тотъ послѣ смерти первой своей жены взялъ къ себѣ въ домъ. Чаплинскій съ ватагой вооруженныхъ людей въ отсутствіе Хмельницкаго напалъ на Субботово, зажегъ мельницу и ворвался въ домъ. Маленькаго сына Хмельницкаго онъ засѣкъ до смерти, а ту польку, которую Хмельницкій

называлъ своей женой, захватилъ, увезъ къ себѣ и черезъ нѣсколько дней повѣнчался съ нею по обряду римско-католической церкви.

Хмельницкій жаловался, но неудачно, и даже по клеветѣ Чаплинскаго былъ посаженъ въ тюрьму; вскорѣ однако его выпустили по просьбѣ жены Чаплинскаго. Напрасно Хмельницкій жаловался сейму, тотъ только посмѣялся надъ нимъ, и онъ обратился къ королю. Владиславъ отвѣтилъ ему: «Вижу, что твое дѣло правое, но помочь не могу; у васъ есть сабли, добывайте правду сами».

Послѣ этого Хмельницкій окончательно рѣшилъ поднять возстаніе; медленно возвращался онъ изъ Варшавы черезъ русскія земли, осматривая города и укрѣпленія, останавливался почти въ каждомъ селѣ, заводилъ разговоры и знакомства, разсказывалъ о своихъ бѣдствіяхъ, пламенною рѣчью возбуждалъ жителей, обнадеживая ихъ скорою местью и Божьимъ наказаніемъ надъ утѣснителями. Въ особенности онъ открывалъ свои планы духовнымъ лицамъ, зная ихъ вліяніе на народъ.

«Пусть будетъ вамъ извѣстно,—говорилъ онъ,—что я рѣшилъ мстить панамъ ляхамъ войною не за свою только обиду, но за попраніе вѣры русской и поруганіе народа русскаго. Я безсиленъ, но вы помогите мнѣ, сберитесь и пошлите хоть по 2 или по 3 человѣка съ каждаго села».

— «Ежечасно молимъ мы Бога, — отвѣчали ему — чтобъ послалъ кого-нибудь для отомщенія нашихъ несчастій. Поднимай оружіе, станемъ съ тобою, поднимется земля русская, какъ никогда еще не поднималась».

Такимъ образомъ въ городахъ и селахъ Хмельницкій пріобрѣталъ друзей, которые располагали въ его пользу остальныхъ жителей, а потому впослѣдствіи города немедленно отворяли ему ворота, и со всѣхъ мѣстъ земли русской спѣшили къ нему заранѣе готовые отряды воиновъ.

Дома Хмѣльницкій собралъ наиболѣе выдающихся казаковъ, показалъ имъ королевскую грамоту и предложилъ добиться свободы казачества и народа русскаго. Поляки узнали объ этомъ сборищѣ и хотѣли казнить Хмельницкаго, но его уже не было на Украйнѣ: въ гостепріимной Сѣчи онъ нашелъ пріютъ и защиту. Польскій отрядъ, посланный въ погоню за нимъ, былъ разсѣянъ казаками; голова Хмельницкаго была оцѣнена.

Въ то время Сѣчь помѣщалась на Микитинскомъ Рогу, и здѣсь-то Хмельницкій изложилъ притѣсненія, какія терпитъ Украйна, какъ поругана вѣра, разсказалъ свои личныя обиды и показалъ королевскую грамоту. Старшинами рѣшено было начать войну съ Польшей, но сначала попросить помощи у татаръ; а для того, чтобы вѣсть объ этомъ не дошла до поляковъ, былъ распущенъ слухъ, что будутъ посланы выборные съ просьбою подтвердить данныя казакамъ права и смѣнить изъ старшинъ казачьихъ всѣхъ ляховъ. Это обмануло пановъ, несмотря на донесенія жидовъ о томъ, что въ народѣ что-то затѣвается.

Изданъ былъ указъ не пропускать никого на Запорожье и отбирать у жителей оружіе, но, несмотря на эти мѣры, множество народа бѣжало въ Сѣчь. Пока паны успокоивали себя мыслью, что все это броженіе кончится ничѣмъ, Хмельницкій былъ уже въ Крыму у хана и хлопоталъ о помощи.

Поляки платили татарамъ дань, чтобы тѣ не нападали на польскія владѣнія; однако послѣднее время татары были очень недовольны Польшей, которая уже нѣсколько лѣтъ ничего не посылала въ Крымъ. Кромѣ того, татары всегда были рады пограбить; поэтому ханъ принялъ Хмельницкаго ласково и позволилъ перекопскому мурзѣ Тугай-Бею помочь казакамъ. Для осторожности же взялъ сына Хмельницкаго, Тимоѳея, заложникомъ.

18 апрѣля 1648 года Хмельницкій прибылъ въ Сѣчь; 4 тысячи татаръ остановились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея на рѣкѣ Бозавлукѣ. Къ этому времени въ Сѣчи

собралось множество народа, явились всѣ запорожцы, бывшіе въ отъѣздѣ, и безпрерывно прибывали толпы бѣглецовъ изъ Украйны; пѣхота стояла въ самой Сѣчи, а конница по лугамъ около Днѣпра. Никто опредѣленно не зналъ, зачѣмъ кошевой собираетъ раду и когда она именно будетъ. Наконецъ вечеромъ въ день пріѣзда Хмельницкаго съ крѣпостного вала одинъ за другимъ раздались 3 пушечныхъ выстрѣла: это означало, что на утро будетъ рада. На разсвѣтѣ опять три раза загрохотала пушка, и тучи конныхъ запорожцевъ показались въ степи. Въ полдень ударили въ литавры, и началась рада; стеченіе народа было такъ велико, что въ самой Сѣчи помѣститься всѣ не могли, а потому рада была переведена на обширный лугъ за Сѣчью.

Кошевой разсказалъ объ обидахъ, терпимыхъ украинцами отъ поляковъ, о поруганіи вѣры православной, объявилъ походъ и сказалъ, что по просьбѣ Хмельницкаго, имъ будетъ помогать самъ крымскій ханъ, который пока прислалъ 4 тысячи татаръ подъ начальствомъ Тугай-Бея, и что отрядъ этотъ стоитъ уже около Сѣчи.

«Слава и честь Хмельницкому, — закричали всѣ, — Украйна какъ стадо безъ пастуха: пусть Хмельницкій будетъ ея головою, а мы всѣ, сколько тутъ насъ есть, готовы идти противъ поляковъ, помогать Хмельницкому до послѣдняго издыханія!..»

Тогда кошевой послалъ писаря въ войсковую скарбницу, и оттуда принесли войсковые клейноты: королевское знамя, данное казакамъ Владиславомъ, бунчукъ съ позолоченнымъ шаромъ, позолоченную булаву съ цвѣтными каменьями и серебряную войсковую печать.

Кошевой и старшины покрыли Хмельницкаго шапками, вручили ему войсковые клейноты и провозгласили гетманомъ войска запорожскаго. Однако Хмельницкій отказался отъ этого званія, сказавъ, что онъ принимаетъ лишь званіе «старшого», такъ какъ выбранъ одними запорожцами, а не всей Украйной.

22 апрѣля 1648 года, спустя 10 лѣтъ послѣ возстанія Остраницы, 8 тысячъ запорожцевъ и 4 тысячи татаръ выступили на Украйну. Между тѣмъ паны, собравшіе въ Черкасахъ до 50 тысячъ войска, не знали, что дѣлать. Съ одной стороны, они видѣли, что на Украйнѣ хотя и тихо пока, но приготовляется что-то неладное: цѣлыя толпы народа бѣгутъ въ Сѣчь, казаки и хлопы сходятся и сговариваются о чемъ-то; съ другой стороны, они не видѣли непріятеля и даже не знали, откуда его ждать. Наконецъ, рѣшили послать въ степь 2 небольшихъ отряда на развѣдки: одинъ, составленный изъ реестровыхъ казаковъ подъ начальствомъ Барабаша, отправился на байдаркахъ Днѣпромъ, а другой подъ предводительствомъ молодого Потоцкаго, сына главнаго польскаго военачальника, пошелъ по берегу. Оба отряда должны были сойтись у Кодака. Хмельницкій, провѣдавъ объ этомъ, вошелъ въ сношеніе съ реестровыми казаками, которые, убивъ ненавистнаго Барабаша, перешли на его сторону. Тогда Хмельницкій поспѣшилъ къ рѣчкѣ Желтыя воды, гдѣ стояли поляки молодого Потоцкаго. Измѣна реестровыхъ смутила поляковъ, а неожиданное присутствіе татаръ совсѣмъ ихъ поразило. Впрочемъ, на первый день татары не вступали въ сраженіе, дрались одни казаки. Когда сдѣлалось замѣтно, что эти послѣдніе одолѣваютъ, Хмельницкій предложилъ полякамъ отдать ему пушки, съ тѣмъ что онъ позволитъ имъ безопасно отступить на Украйну. Поляки согласились и отдали пушки, но едва они двинулись, какъ на нихъ обрушились татары, которые стали стрѣлять въ поляковъ изъ ихъ же собственныхъ пушекъ. Казаки забѣжали впередъ, и поляки были разбиты совершенно. Тяжело раненый Потоцкій и другіе паны были отправлены въ Чигиринъ.

Между тѣмъ старый Потоцкій стоялъ въ Черкасахъ и ничего не зналъ о судьбѣ сына и его отряда. Наконецъ, какой-то шляхтичъ принесъ имъ вѣрныя вѣсти о желто-

водскомъ пораженіи. Паны перепугались и отступили къ Корсуню. Хмельницкій подошелъ туда же съ 15 тысячами, но по дорогѣ поднялась такая пыль, что полякамъ почудилось, будто казаковъ и татаръ до ста тысячъ. Хмельницкій немедленно началъ сраженіе, и хотя вогналъ поляковъ въ окопы, но рѣшительнаго успѣха не имѣлъ. Ночью Хмельницкій подослалъ казака, котораго поляки схватили и пытали. Казакъ показалъ, что татаръ 50 тысячъ, а казакамъ онъ и счета не знаетъ.

Поляки перепугались окончательно и начали отступать, а Хмельницкому этого только и надо было: у села Гороховецъ, лежащаго на пути поляковъ, онъ приказалъ заранѣе выкопать ровъ, спустить плотину, устроить въ лѣсу завалы и посадить засаду. Поляки отступали въ порядкѣ, татары и казаки шли за ними невдалекѣ.

Когда польское войско подошло къ лѣсу, казаки бросились на нихъ вдругъ съ страшной силой; лошади подъ пушками были перебиты, а конница принуждена была слѣзть съ лошадей; панскіе слуги стали разбѣгаться. Вдругъ поляки наткнулись на ровъ, и повозки, подталкиваемыя сзади, стали падать туда одна за другой; татары, стоявшіе за рвомъ, стрѣляли изъ пушекъ, а засада напала на поляковъ съ боковъ. Все смѣшалось... Пораженіе было страшное. Гетманы Потоцкій и Калиновскій попались въ плѣнъ и были отправлены къ самому хану. Остальные плѣнники достались тоже татарамъ, а 500 пановъ откупились. Казакамъ достался польскій обозъ съ несмѣтными богатствами.

Какъ только вѣсть о желтоводской и корсунской побѣдахъ разнеслась по Украйнѣ, поднялся весь народъ. Отовсюду везли Хмельницкому припасы, порохъ, пули. Священники возбуждали народъ, и онъ спѣшилъ къ Хмельницкому, съ каждымъ днемъ увеличивая его силы. Хмельницкій разослалъ по Украйнѣ универсалъ (грамоту), въ которомъ краснорѣчиво напоминалъ народу о всѣхъ перенесенныхъ имъ невзгодахъ, о поруганіи вѣры право-

славной, и предлагалъ тѣмъ, кому дорога родная Украйна, поспѣшить на добромъ конѣ съ исправнымъ вооруженіемъ къ Бѣлой Церкви, гдѣ остановились его силы. Одновременно съ этимъ онъ разослалъ по всей Украйнѣ загоны (отряды) для уничтоженія всего панскаго, ляшскаго и жидовскаго.

Множество народа собиралось къ Бѣлой Церкви; нѣкоторые отряды сами составляли загоны, и вотъ началось нещадное избіеніе жидовъ и шляхты. Панскія усадьбы, католическія церкви, монастыри сжигались и разрушались. Много вытерпѣлъ народъ русскій отъ пановъ и жидовъ, а потому страшно и безчеловѣчно расправился съ ними. Трудно передать, что дѣлали казаки и хлопы: шляхтичей мучили разными пытками, затѣмъ жестоко убивали, ксендзовъ вѣшали и сжигали, мертвыхъ вынимали изъ гробовъ, обдирали ихъ и ходили въ этихъ одѣяніяхъ. Рѣзали, вѣшали, распиливали пополамъ, вырѣзали куски мяса, съ живыхъ сдирали кожу, выкалывали глаза и производили другія неистовства и звѣрства. Особенно досталось жидамъ; въ короткое время отъ Стародуба (Черниг. губ.) до Днѣстра не осталось ни одного жида, ни шляхтича. Города и панскія усадьбы лежали въ развалинахъ, трупы валялись по улицамъ, производя зловоніе, отчего появились смертныя болѣзни.

Вдругъ разнеслась вѣсть о смерти короля Владислава; это былъ добрый король, расположенный къ казакамъ, который самъ посовѣтовалъ имъ взяться за оружіе противъ пановъ. Хмельницкій, будто бы не зная о смерти короля, послалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что войну эту поднялъ за него противъ самоуправства пановъ и что если онъ захочетъ обезпечить судьбу народа русскаго, то война прекратится. Паны получили это письмо и рѣшили начать переговоры о заключеніи мира, но Хмельницкій намѣренно тянулъ дѣло, чтобы къ нему успѣли присоединиться татары изъ Крыма, а также и

загоны. Пока шли переговоры, поляки успѣли собрать до 40 тысячъ войска, не считая панской прислуги. У Хмельницкаго было 80 тысячъ. Около Константинова враги сошлись. Поляки хвастались, что они плетьми разгонять эту казацкую сволочь. «Не помогай, Боже, ни намъ, ни казакамъ, а смотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ поганымъ мужичьемъ»,—говорили поляки.

Поляки были отъ рожденія изнѣжены, большинство изъ нихъ въ битвахъ ранѣе не бывало, и въ походъ они собрались какъ на празднество, навезя съ собою множество разнаго добра: золотой и серебряной посуды, мягкихъ постелей, богатой сбруи, одеждъ и т. п. Однако первое время они дрались хорошо, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что пришли татары. Татаръ пришло очень немного, но тѣмъ не менѣе паны перетрусили и ночью начали по одиночкѣ уѣзжать изъ лагеря.

Войско польское, замѣтивъ, что начальниковъ нѣтъ, растерялось, и хотя на другой день нѣкоторое время защищалось, но скоро побросало оружіе и бросилось въ безпорядкѣ бѣжать. Много польской молодежи погибло въ этотъ день. Пораженіе поляковъ было полное. Казаки долго дивились доставшейся имъ богатѣйшей добычѣ.

Описанное сраженіе произошло у рѣчки Пилявы и называется поэтому пилявскимъ пораженіемъ. Хмельницкій пошелъ за бѣжавшими панами въ Збаражъ, но никого уже тамъ не нашелъ. Казаки остановились и собрали раду, чтобы рѣшить, что дѣлать. Казаки хотѣли, чтобы Хмельницкій принялъ званіе гетмана, но онъ вторично отъ этого отказался, говоря, что воюетъ противъ пановъ, а не противъ короля, и что если этому послѣднему будетъ угодно, то онъ самъ наградитъ его этимъ званіемъ.

«Веди на ляха, кончай ляховъ!» кричала рада. Хмельницкій, послушный ея волѣ, разослалъ опять загоны по всей Украйнѣ и, взявъ откупъ съ Львова, осадилъ крѣпость Замостье уже въ самой Польшѣ. Во время осады

выбранъ былъ новый король Казиміръ, братъ Владислава. Этотъ выборъ былъ желателенъ Хмельницкому, и потому, когда король приказалъ ему воротиться на Украйну и ждать пословъ для заключенія мира, онъ снялъ осаду и двинулся назадъ. Это было въ ноябрѣ 1648 года.

Народъ всюду встрѣчалъ Хмельницкаго какъ своего избавителя отъ неволи. Еще до пріѣзда польскихъ пословъ явились къ Хмельницкому послы другихъ земель: царя русскаго, султана турецкаго, господарей Молдавіи и Валахіи и князя венгерскаго. Повсюду разнеслась слава о подвигахъ Хмельницкаго и силѣ казачества.

Пріѣхавшіе польскіе паны вручили Хмельницкому знаки гетманскаго достоинства. По этому поводу начались пирушки и угощеніе пословъ; наконецъ они приступили къ переговорамъ. Панъ Адамъ Кисель, напомнивъ Хмельницкому о королевскихъ милостяхъ, говорилъ, что въ благодарность слѣдуетъ окончить смуту, не принимать крестьянъ подъ свое покровительство и заключить крѣпкій миръ. Хмельницкій отвѣчалъ, что о мирѣ толковать нельзя, пока войско распущено по домамъ, и что не наказаны еще его враги и главные виновники войны—Чаплинскій и Вишневецкій. «Ничего изъ этого не будетъ,—сказалъ Хмельницкій,—если одного не накажутъ, а другого мнѣ не пришлютъ, то или мнѣ пропасть со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, или же пропасть всей землѣ польской: сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ. Я всѣхъ ляховъ оборочу вверхъ ногами и растопчу, а король королемъ будетъ, чтобы каралъ и казнилъ шляхту, дуковъ и князей, чтобы былъ себѣ вольный. Провинился панъ или князь — отрубить ему голову, провинился казакъ — и съ нимъ то же сдѣлать».

Напрасно посолъ Кисель просилъ оставить чернь въ покоѣ, чтобы хлопы пахали, и лишь одни казаки воевали.

«Я исторгну весь народъ русскій изъ польской неволи, — сказалъ гетманъ. — «Своихъ единовѣрцевъ не могу оста-

вить на Украйнѣ, не оставлю ни единаго князя и шляхтича, а который захочетъ съ нами ѣсть хлѣбъ, тотъ повинуйся запорожскому войску и на короля не брыкай».

Наконецъ Хмельницкій согласился на перемиріе до Троицына дня и подписалъ слѣдующія условія: 1) «Чтобы въ Кіевскомъ воеводствѣ не было уніи, 2) чтобы русскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ, 3) чтобы костелы польскіе оставались попрежнему, кромѣ іезуитскихъ, которые должны быть уничтожены, 4) чтобы прочный миръ заключить лишь по веснѣ».

Послы не добились даже освобожденія плѣнныхъ. Сеймъ однако не утвердилъ этихъ условій, паны бушевали и не хотѣли отказаться ни отъ уніи, ни отъ господства надъ казаками. Война была неизбѣжна. Съ весны начались стычки между казачьими загонами и польскими отрядами.

Хмельницкій опять разослалъ универсалъ, и народъ повалилъ къ нему въ Чигиринъ. Туда же пришелъ и крымскій ханъ съ многочисленными ордами, турки и донцы.

Хмельницкій подступилъ къ Збаражу, гдѣ стояло 10 тысячъ передового польскаго войска; оно готово было разбѣжаться, но его удержалъ князь Вишневецкій.

Полчища Хмельницкаго окружили городъ, гдѣ окопались поляки, и началась знаменитая збаражская осада. 8 недѣль тянулась она; поляки защищались храбро, хотя терпѣли множество лишеній, ѣли даже кошекъ и собакъ. Между тѣмъ король объявилъ «посполитое рушенье», т.-е. поголовное ополченіе. Оно собиралось медленно, а у короля подъ рукою было лишь 20 тысячъ; съ ними и съ частью собравшихся ополченцевъ король поспѣшилъ на помощь осажденнымъ. Хмельницкій зналъ все, что творилось въ посольскомъ лагерѣ, и 5-го августа, оставивъ часть войска для осады, напалъ на поляковъ у Зборова, недалеко отъ Збаража.

Нападеніе было произведено въ то время, когда поляки переправлялись черезъ рѣку. Суматоха сдѣлалась страш-

ная. Битва продолжалась цѣлый день. Ночью едва не повторилось пилявское бѣгство; король, освѣщаемый факелами, проѣхалъ по лагерю и успокоилъ своихъ солдатъ. На другой день сраженіе началось съ новымъ ожесточеніемъ. Еще передъ началомъ боя Хмельницкій отдалъ приказаніе не трогать короля: считая его Помазанникомъ Божіимъ, онъ не хотѣлъ, чтобы чья-нибудь рука поднялась на него, а тѣмъ болѣе рука поганаго татарина. Послѣ нѣсколькихъ часовъ боя Хмельницкій увидалъ, что казаки, разогнавъ войско и стражу, почти добрались до мѣста, гдѣ стоялъ король. Тогда Хмельницкій громко закричалъ: «Згода!» Этотъ возгласъ сразу остановилъ сѣчу; начались переговоры при посредствѣ крымскаго хана.

Было положено, что: 1) король подтверждаетъ всѣ прежнія вольности и права войска запорожскаго; 2) казаковъ будетъ 40 тысячъ, остальные должны отбывать панщину; 3) на Украйнѣ, гдѣ будутъ жить казаки, не должны стоять польскія войска и быть жиды; 4) объ уніи будетъ поставлено по уговору съ русскимъ митрополитомъ; 5) должности въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ, Черниговскомъ воеводствахъ будутъ даваться русскимъ людямъ; 6) Чигиринъ будетъ при булавѣ гетманской.

Хмельницкій снялъ осаду съ Збаража и отступилъ на Украйну; татары ушли въ Крымъ, ограбивъ по дорогѣ, не разбирая, своихъ недавнихъ враговъ и союзниковъ: множество христіанскихъ плѣнниковъ появилось на невольничьихъ рынкахъ Крыма.

Страшное разореніе и запустѣніе было на Украйнѣ, города и села лежали въ развалинахъ, за время войны почти никто не сѣялъ хлѣба, а если гдѣ и было что, то все поѣла саранча; наступилъ голодъ. «Миръ непроченъ», говорили современники и они не ошибались, такъ какъ поляки не хотѣли разстаться съ уніей и не допускали русскаго митрополита въ сенатъ; кромѣ того, въ войско могло записаться лишь 40 тысячъ человѣкъ, и

вся та масса народа, которая такъ отчаянно дралась за свою вѣру и свободу, опять отдавалась во власть панамъ. Шляхта, являясь въ свои разоренныя усадьбы, требовала повинованія, панщины, а хлопы бунтовали, часто убивали пановъ.

Хмельницкій строго наказывалъ бунтарей, чѣмъ возбуждалъ ихъ противъ себя. Вообще паны желали воротить прежнюю панщину, а хлопы недавнюю вольность. Видно было, что война еще далеко не кончена. Дѣйствительно, миръ продолжался всего лишь годъ: въ февралѣ 1651 года опять начались стычки; Хмельницкій опять издалъ универсалъ, поляки объявили «посполитое рушенье». Король и Хмельницкій встрѣтились подъ Берестечкомъ. У поляковъ было до 300 тысячъ, у казаковъ менѣе, несмотря на то, что пришелъ ханъ съ ордами. Хлопы не довѣряли своему гетману, за то что въ прошломъ году потакалъ панамъ, а казаки неохотно шли на войну, такъ какъ они уже достигли желаемаго.

Въ самый разгаръ сраженія, захвативъ неожиданно въ плѣнъ множество казаковъ и хлоповъ, ханъ, подъ предлогомъ якобы измѣны казаковъ, ушелъ отъ Хмельницкаго, открывъ тѣмъ одну сторону казацкаго стана.

Разсказывали, что наканунѣ ночью ханъ былъ подкупленъ поляками и уговорился сражаться лишь для вида. Съ бѣгствомъ татаръ началось страшное пораженіе казаковъ. Хмельницкій погнался за татарами, чтобы ихъ воротить, но неудачно; ханъ задержалъ его самого и выпустилъ лишь за богатый выкупъ. Между тѣмъ оставшіеся казаки окружили себя окопами, 9 дней отчаянно защищались, а когда попробовали перейти болото, лежащее позади ихъ стана, то заторопились, столпились на одномъ мѣстѣ; вязкая топь не выдержала ихъ тяжести, и почти всѣ погибли въ болотѣ; остальныхъ добили поляки. Польское войско двинулось на Украйну, и началось страшное мщеніе. Города и села снова запылали, жители, не разбирая пола

и возраста, предавались страшнымъ пыткамъ и казнямъ. Кіевъ былъ опустошенъ пожарами и ограбленъ.

Въ августѣ польское войско остановилось на Волыни; прежней силы въ немъ уже не было, такъ какъ сейчасъ же послѣ берестечскаго сраженія многіе паны разъѣхались, а оставшіеся по обыкновенію безпрестанно ссорились между собой. У казаковъ войска болѣе не было, но, несмотря на это, старая, заклятая вражда ко всему панскому опять подняла всѣхъ послѣ рады на Масловомъ броду, гдѣ Хмѣльницкій опять сумѣлъ всѣхъ воодушевить. Весь народъ хотѣлъ лучше сразу погибнуть, чѣмъ снова признать власть пановъ. Поляки были изумлены ожесточеніемъ народа и тѣмъ, что Хмельницкій опять былъ въ силахъ дать имъ отпоръ; казаки однако не чувствовали себя настолько сильными, чтобы разсчитывать на побѣду: это привело обѣ стороны къ миру, чего желала и казацкая старшина. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ былъ заключенъ миръ въ Бѣлой Церкви. Войско запорожское уменьшено до 20 тысячъ, а прочія условія были столь же невыгодны.

Ясно, что если Зборовскій договоръ не удовлетворилъ казаковъ, то тѣмъ менѣе достигалъ этого договоръ Бѣлоцерковскій; къ тому же онъ не былъ утвержденъ сеймомъ. Слѣдовало опять ожидать войны.

Дѣйствительно, уже въ 1652 году возобновились крупныя стычки. Въ 1653 году Чарнецкій произвелъ опустошительный набѣгъ на Украйну, но подъ Монастырищемъ былъ разбитъ на голову казаками. У Жванца польское войско, предводительствуемое самимъ королемъ, встрѣтилось съ войскомъ Хмельницкаго, къ которому опять присоединился ханъ. Хмельницкій не торопился нападать, зная, что недостатокъ припасовъ, отсутствіе денегъ для уплаты жолнерамъ и несогласія между панами ослабятъ поляковъ. Онъ не ошибся. Скоро поляки оказались въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ въ 1649 году подъ Зборовымъ.

Но переговоры хана съ поляками спасли Польшу; хану

было одинаково невыгодно какъ усиленіе Польши, такъ и развитіе казачества, а потому, изъ своихъ интересовъ, онъ поддерживалъ то ту, то другую сторону. Хмельницкій не принималъ участія въ переговорахъ, и миръ былъ заключенъ опять на зборовскихъ условіяхъ.

Гетманъ понималъ, что миръ неизбѣжно долженъ быть снова нарушенъ, такъ какъ условія договора могли удовлетворить только казаковъ, но не простой народъ, который опять попадалъ въ рабство. Такой миръ не могъ быть проченъ. Шесть лѣтъ войны не дали почти никакихъ результатовъ Что же оставалось дѣлать? Поляки не хотѣли отмѣнить унію и не освобождали народъ отъ панщины, а хлопы хотѣли свободы; полюбовно рѣшить этотъ вопросъ было нельзя.

Съ другой стороны, Украйна не была настолько сильна, чтобы справиться съ поляками собственными силами; оставалось обратиться къ посторонней помощи, но куда? Ханъ два раза измѣнялъ, и надежда на него была плоха; кромѣ того, татары послѣ Жванца, уходя въ Крымъ, произвели страшный грабежъ на Украйнѣ, много побили народу и еще больше увели женщинъ въ плѣнъ. Оставались Турція и Московское государство.

Идти подъ власть нехристя, слиться съ нимъ, дѣйствовать за одно — православный народъ, который издавна считалъ войну съ басурманами святымъ дѣломъ, никогда не согласился бы.

Стало быть оставалась только Москва: тамъ была православная вѣра, тамъ жили тѣ же русскіе люди, что и на Украйнѣ, сидѣли на престолѣ царскомъ потомки великихъ князей кіевскихъ. Присоединеніе Украйны къ Москвѣ было бы возстановленіемъ прежняго единства земли русской. Все говорило въ пользу присоединенія къ Москвѣ; правда, и въ Московскомъ царствѣ были тогда крѣпостные, но бояринъ русскій никогда такъ не угнеталъ крестьянина, какъ польскій панъ хлопа, котораго считалъ «бы-

дломъ». Кромѣ того, царь Московскій отъ соединенія съ Украйной не только не терялъ, но пріобрѣталъ, а потому далъ бы Украйнѣ больше правъ, чѣмъ польскій король.

Хмельницкій хорошо понималъ и желалъ этого, но такая важная вещь, какъ отдача всей Украйны въ подданство кого бы то ни было, не могла быть рѣшена имъ однимъ. Это долженъ былъ рѣшить самъ народъ. Наконецъ, по согласію всѣхъ, въ Москву были отправлены послы съ просьбой взять Украйну подъ высокую царскую руку.

8 января 1654 года въ Переяславлѣ собралась громадная рада, пріѣхали московскіе послы. Хмельницкій, окруженный всей казацкой старшиной, до начала молебствія сказалъ народу слово: онъ напомнилъ всѣ прежнія угнетенія пановъ, поруганіе вѣры, губительныя войны, разореніе Украйны, измѣны хана, притѣсненія христіанъ въ Турціи и предложилъ отдаться царю Московскому, который утвердитъ всѣ казацкія вольности. По окончаніи рѣчи вся рада закричала: «Волимъ подъ царя восточнаго; лучше умереть въ вѣрѣ Христовой, нежели достаться ненавистнику Христову, поганину!»

Тогда переяславскій полковникъ Тетеря спросилъ: «Чи вси такъ соизволяете?»

— «Вси!» былъ единственный отвѣтъ рады.

— «Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!» закричалъ громкимъ голосомъ гетманъ.

— «Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобъ мы навѣки всѣ были едино!» подхватила рада.

Затѣмъ были прочитаны условія, на которыхъ Украйна присоединяется къ Великороссіи. Не были забыты и запорожцы, первые бойцы за свободу народа: всѣ вольности и права ихъ были подтверждены. Послѣ чтенія условій былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ Хмельницкому были вручены знаки гетманскаго достоинства. Всѣ старшины получили подарки.

Итакъ, Малороссія присоединилась къ Великороссіи; царь Московскій Алексѣй Михайловичъ въ своемъ царскомъ титулѣ сталъ называться «Царемъ Великой и Малой Руси».

Однако великое дѣло Хмельницкаго не было окончено. Ни Польша, ни Турція, ни ханъ крымскій не хотѣли допустить такого усиленія Москвы. Начались опять страшныя войны, Польша лишилась Бѣлоруссіи, завоеванной самимъ Московскимъ царемъ. Въ 1657 году былъ заключенъ миръ; Польша была вынуждена признать соединеніе Москвы и Украйны; границами послѣдней были назначены Днѣстръ, Горынь и Припеть. Одновременно былъ заключенъ миръ и съ татарами.

Въ томъ же 1657 году Хмельницкій, измученный войнами и непрерывными десятилѣтними походами, а также многими огорченіями, заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Въ маѣ была собрана рада, на которой онъ простился съ народомъ, прося его свято хранить единеніе между собой, благодарилъ за всѣ оказанныя ему почести и предложилъ еще при жизни его выбрать новаго гетмана, которому онъ могъ бы дать нужные совѣты и открыть тайны управленія Украйной. Народъ, прощаясь съ любимымъ батько, плакалъ навзрыдъ. Никого изъ лицъ, предложенныхъ гетманомъ въ преемники его власти, рада не захотѣла, а, почитая заслуги старика, выбрала его сына Юрія. Хмельницкій былъ тронутъ, слезы текли по его щекамъ. Наконецъ, онъ согласился.

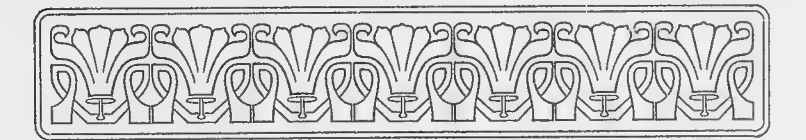
«Вручается онъ въ покровительство Божіе и въ вашу опеку,—говоритъ онъ,—и анаѳемѣ предаю того, кто совратитъ его съ пути истиннаго».

Потомъ онъ при всѣхъ далъ сыну наставленіе, завѣщалъ служить отечеству вѣрою, хранить его, какъ зѣницу ока, проливать за него кровь свою, не жалѣя, и не нарушать вѣрности государю. Затѣмъ передалъ сыну знаки гетманскаго достоинства. Казаки по своему обычаю покрыли гетмана шапками и знаменами. Недолго послѣ этого жилъ старый Хмельницкій.

27 іюля этого же года выстрѣлъ изъ пушки возвѣстилъ народу о кончинѣ его освободителя. Всѣ оплакивали его, какъ родного отца; похороны гетмана были печальны и торжественны, войска и толпы народа провожали тѣло славнаго гетмана до послѣдняго убѣжища. Похоронили его въ каменной церкви Субботова.

Спустя шесть лѣтъ, во время войны, ляхи, завладѣвъ Субботовымъ, вырыли кости Хмельницкаго и предали ихъ поруганію. Такъ велика была ненависть поляковъ къ этому человѣку.

VI.

Паденіе Запорожской Сѣчи. Задунайскіе запорожцы.

. . . .
„И мандрували день и ничь,
И покидали запорôзьци
Велéкій лугъ и матирь Сичь,
Взяли съ собою Матирь Божу,
И бильшъ ничóго ни взяли.
И въ Крымъ до Хана понесли
На нóве горе — Запорóжже“.
. . . .

Шевченко.

Въ продолженіе всей десятилѣтней войны Хмельницкаго запорожцы принимали участіе въ главныхъ сраженіяхъ, составляя отборное и лучшее войско. Послѣ присоединенія Украйны къ Москвѣ, какъ извѣстно, началась война съ поляками, турками и татарами; съ послѣдними главнымъ образомъ и сражались запорожцы. Вообще для запорожцевъ вся вторая половина XVII столѣтія прошла въ непрерывныхъ битвахъ въ Крыму съ татарами и на морѣ съ турками.

Въ 1709 году шведскій король Карлъ XII вторгнулся въ предѣлы Россіи, въ Украйну. Гетманъ Иванъ Мазепа,

котораго Карлъ обѣщалъ сдѣлать настоящимъ царькомъ на Украйнѣ, измѣнилъ своему царю Петру Великому и перешелъ на сторону Карла. Мазепа думалъ, что и вся Малороссія послѣдуетъ его примѣру, но его расчеты оказались ошибочными: кромѣ небольшого числа его приближенныхъ, по преимуществу шляхтичей, да запорожцевъ, никто больше не приставалъ къ нему. Запорожцы со своимъ кошевымъ Константиномъ Гордіенко пристали къ Карлу, потому что боялись, что державная рука великаго Петра положитъ конецъ ихъ своевольствамъ: къ описываемому времени сила Россіи была уже такъ велика, что Петръ осаждалъ и взялъ городъ Азовъ, принадлежавшій туркамъ. Крымъ быстро приходилъ въ упадокъ, а потому особой нужды для Россіи въ небольшихъ силахъ запорожцевъ уже не было, кромѣ того они вмѣсто своего главнаго дѣла—защиты границъ русскаго царства—занимались поддержкой тѣхъ, кто выражалъ неудовольствіе на новые порядки, вводимые на Украйнѣ царемъ Петромъ.

Узнавъ объ измѣнѣ запорожцевъ, царь приказалъ разорить Сѣчь; въ томъ же 1709 году полковники Яковлевъ и Галаганъ съ сильнымъ отрядомъ подступили къ Чертомлыцкой Сѣчи и, несмотря на отчаянную оборону оставшихся въ Сѣчи запорожцевъ, взяли ее.

Сѣчь была разорена до основанія; множество народа было перебито русскими войсками, много взято въ плѣнъ.

За измѣну запорожцевъ вѣшали на плотахъ и пускали внизъ по Днѣпру на страхъ прочимъ. 100 пушекъ запорожскихъ, добытыхъ ихъ кровью въ бояхъ, достались въ руки побѣдителей. Оставшіеся въ живыхъ запорожцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, бѣжали на лодкахъ и степью въ предѣлы крымскаго хана, гдѣ отдались ему въ подданство. Ханъ пожаловалъ имъ бунчукъ, булаву и пр. и поселилъ на рѣкѣ Каменкѣ; но и отсюда ихъ выгнали русскія войска. Сѣчь была перенесена далѣе на югъ въ урочище Алешки, при рѣкѣ Днѣпрѣ, на Крым-

ской сторонѣ. Во время отсутствія большей части запорожцевъ, ушедшихъ съ крымскимъ ханомъ въ походъ противъ его взбунтовавшихся подданныхъ, и эта Сѣчь была взята казаками, вѣрными царю Петру, разрушена, разграблена и сожжена; опять много народа было побито и перевѣшано.

Когда кошевой съ запорожцами вернулся изъ похода и увидалъ разгромъ своей Алешковской Сѣчи, то собралъ оставшихся въ живыхъ запорожцевъ и поставилъ Сѣчь опять на старомъ мѣстѣ, на рѣкѣ Каменкѣ. Это можно было сдѣлать, потому что Каменка послѣ неудачнаго похода Петра Великаго въ Турцію въ 1711 году была присоединена къ владѣніямъ Турціи. Здѣсь Сѣчь пробыла до 1734 года, когда въ царствованіе Анны Ивановны, Императрицы русской, запорожцы получили прощеніе за свою измѣну Царю Петру и перешли изъ крымско-турецкихъ владѣній въ Россію, гдѣ были поселены въ урочищѣ Красный Кутъ, надъ рѣкою Подпольной. Эта Сѣчь получила названіе «Новой».

Вернувшись на родину, запорожцы не узнали своей дикой, привольной стороны: южная Россія, огражденная рядомъ крѣпостей отъ вторженія татаръ, безостановочно заселялась; города быстро возникали и росли; безграничныя степи, куда еще не такъ давно никто, кромѣ запорожцевъ, не осмѣливался показаться, превратились на ихъ глазахъ въ богатыя нивы; звѣря и птицы стало гораздо меньше. Привыкшіе къ свободѣ и произволу, запорожцы не хотѣли и не могли подчиниться установившемуся порядку. Они требовали возвращенія земель, на которыхъ уже осѣлись поселенцы; тревожили ихъ, покровительствуя и тайно помогая гайдамакамъ (разбойничьимъ шайкамъ). Безконечныя жалобы на безчинства запорожцевъ, озлобленныхъ и огорченныхъ потерей прежняго значенія и дорогихъ имъ степей и плавней, заставили Императрицу Екатерину Великую повелѣть уничтожить Новую Сѣчь,

тѣмъ болѣе, что послѣ Турецкой войны въ 1774 году, окончившейся присоединеніемъ къ Россіи всего южнаго побережья Чернаго моря, а стало быть и Крыма, казакамъ и воевать-то было не съ кѣмъ.

Въ роковой для запорожцевъ 1775 годъ губернаторъ Новороссіи (такъ была названа южная Россія) Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ занялъ русскими войсками Новую Сѣчь. Съ этихъ поръ Запорожье перестало существовать.

Часть запорожцевъ, болѣе 1000 человѣкъ, успѣла бѣжать изъ Сѣчи и пробраться въ турецкія владѣнія, гдѣ они поддались султану; оставшимся же Императрица разрѣшила селиться въ Новороссіи на правахъ всѣхъ остальныхъ ея подданныхъ. Запорожцы, ушедшіе въ Турцію, надѣялись, что султанъ отведетъ имъ богатыя земли, но они сильно ошиблись въ своихъ расчетахъ: ихъ поселили въ болотистой и мѣстами песчаной области въ устьяхъ Дуная, называвшейся Буджаковскимъ Санджакомъ.

Сюда, на берега Дуная, казаки перенесли всѣ свои вѣковые обычаи; на развалинахъ татарскаго мѣстечка Буджакъ былъ поставленъ кошъ, здѣсь же установили походную церковку и хранили знамя войска Запорожскаго, а также знамена, отбитыя казаками въ прежнихъ битвахъ. Вокругъ церкви скоро выросли курени, образовавъ площадку для сбора рады. Буджакъ былъ окруженъ валомъ, уставленнымъ пушками.

Султанъ оставилъ неприкосновеннымъ внутреннее устройство коша, но подчинилъ запорожцевъ бабадагскому пашѣ и причислилъ къ Силистрійскому округу. Казакамъ дано было право свободно заниматься рыбной ловлей, а за это они обязывались защищать устье Дуная и, въ случаѣ войны, высылали, по указанію, 1000 человѣкъ.

Кошевой атаманъ пользовался такими же правами, какъ и государи Молдавіи и Валахіи.

Жизнь сѣчевиковъ въ Буджакѣ мало отличалась отъ жизни въ Запорожьѣ: та же рыбная ловля и звѣриная

охота въ камышахъ Дуная, какъ главное средство для пропитанія, тѣ же безпрерывные походы и сраженія: и здѣсь казаки не теряли своей прежней воинственности и отваги.

Безпрестанно по одиночкѣ приходили въ Сѣчь скитальцы разныхъ націй, и, несмотря на частые походы и распоряженія султана, число казаковъ не уменьшалось, а постоянно увеличивалось.

Въ 1820 году въ Турціи вспыхнуло возстаніе грековъ, молдавовъ и валаховъ; скрѣпя сердце, связанные клятвой въ вѣрности и прельщенные обѣщаніемъ получить въ награду за успѣшныя военныя дѣйствія лучшія земли, чѣмъ Буджакъ, казаки согласились выступить въ походъ противъ единовѣрцевъ. Кошевымъ въ это время былъ атаманъ Морозъ.

Незадолго до выступленія казаковъ въ походъ, въ Измаилѣ, куда послано было нѣсколько человѣкъ казаковъ для закупки припасовъ, присталъ къ нимъ молодой казакъ, уроженецъ Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, села Мельниковъ, Осипъ Гладкій. Этотъ молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ напоминалъ типъ настоящаго казака стараго времени; то былъ красавецъ 25 лѣтъ, стройный, высокій, со смѣлымъ, открытымъ взглядомъ, съ твердой и ровной поступью. Во всей фигурѣ Гладкаго проглядывало что-то рѣшительное, повелѣвающее; онъ былъ прекраснымъ стрѣлкомъ, отлично сидѣлъ на конѣ, ловко правилъ рулемъ и былъ храбръ и покоенъ въ бою.

1822 года 500 запорожцевъ подъ начальствомъ Мороза участвовали въ разгромѣ острова Хіоса, лежащаго въ Эгейскомъ морѣ, недалеко отъ береговъ Малой Азіи. Когда кошевой атаманъ Морозъ былъ убитъ, на мѣсто его выбрали Осипа Гладкаго.

Въ 1827 году на сторону грековъ стали Россія, Англія и Франція; подъ Навариномъ соединенными усиліями этихъ государствъ былъ уничтоженъ весь турецкій флотъ.

Война между Турціей и Россіей стала неизбѣжна. Сѣчевикамъ, какъ подданнымъ турецкаго султана, приходилось выступать противъ его врага, Царя русскаго, и сражаться противъ своихъ же православныхъ русскихъ людей.

Призадумались казаки; многіе изъ нихъ ненавидѣли поганыхъ турокъ и желали бы передаться своему природному государю, но боялись, что, какъ измѣнники, попадутъ въ Сибирь. Созвали раду; долго и краснорѣчиво говорилъ Осипъ Гладкій, уговаривая отдаться на милость Царя. Рада разошлась, ничего не рѣшивъ. Тогда Гладкій распустилъ слухъ, что султанъ намѣренъ, по случаю предстоящей войны съ Россіею, переселить сѣчевиковъ въ Египетъ. Слухъ этотъ быстро росъ; казаки шумѣли и волновались; многіе уже сами кричали о томъ, что надо бѣжать въ Россію.

Гладкому удалось, наконецъ, добиться желаемаго: рада постановила перейти на русскую сторону и отдаться на милость Государя.

Въ 1828 году, въ тихую майскую ночь на Буджакѣ загудѣлъ набатъ. Всѣ казаки, сколько ихъ было, безшумно собрались на площади, готовые въ походъ. Вышелъ Гладкій съ булавою въ рукахъ... Казаки усердно помолились передъ образомъ Николая Чудотворца и распростились съ Буджакомъ; онъ быстро опустѣлъ...

Было еще темно, когда на берегу Дуная шла нагрузка лодокъ запорожскимъ добромъ; болѣе тысячи человѣкъ размѣстилось въ 42 большихъ и 50 малыхъ неводныхъ лодкахъ. Когда зардѣлся востокъ, всѣ эти лодки въ стройномъ порядкѣ уже неслись къ Черному морю. Впереди всѣхъ, обитая краснымъ сукномъ и увѣшанная коврами, съ 12 гребцами шла лодка кошевого; на ней развѣвались 2 бунчука и запорожское знамя; здѣсь же помѣщалась кошевая казна и всѣ грамоты Сѣчи.

Лица всѣхъ казаковъ были серьезны и задумчивы. Съ восходомъ солнца казаки обогнули морское прибрежье и

вошли въ Килійскій рукавъ, гдѣ ихъ встрѣтили русскіе моряки.

Прошло три дня. Въ предмѣстьѣ Измаила, на одномъ изъ угловъ обширной площади, въ домѣ генерала Тучкова помѣщалась ставка Императора Николая Павловича.

Надъ домомъ развѣвался Всероссійскій Императорскій флагъ, и около крыльца стоялъ почетный караулъ. Съ ранняго утра вся площадь была покрыта запорожцами. Впереди всѣхъ стоялъ кошевой Осипъ Михайловичъ Гладкій; въ рукахъ у него была бархатная подушка, на которой лежали булава, грамоты и другія регаліи коша; за Гладкимъ стояли куренные атаманы, держащіе 3 знамени и 2 бунчука. Запорожцы стояли тихо и робко.

Вдругъ часовые у подъѣзда и караулъ отдали честь, всѣ засуетились: на крыльцѣ показалась величественная фигура Императора Николая. Запорожцы опустились на колѣни; знамена и бунчуки склонились къ ногамъ Императора. Гладкій, стоя на колѣняхъ, подалъ Государю булаву и грамоты, пожалованныя Сѣчи султаномъ, и сказалъ:

«Великій Государь! Прости и помилуй Твоихъ заблудшихъ подданныхъ. Прими отъ насъ все, что наше, дай только намъ Твое царское прощеніе, окажи намъ Твое милосердіе!»

«Прости, великій Царю!» сказали остальные запорожцы.

«Богъ васъ прощаетъ, Отчизна прощаетъ и Я прощаю. Я знаю, что вы за люди!»

Несмолкаемое радостное «ура» покатилось по площади. Шапки полетѣли кверху. Гладкій и куренные атаманы бросились цѣловать руки Царя; запорожцы придвинулись къ крыльцу, падали на землю и цѣловали то мѣсто, гдѣ стоялъ Государь; многіе плакали. Зрѣлище было очень трогательное.

Запорожцамъ было обѣщано пожаловать землю на Кавказѣ. Въ это время Государь былъ озабоченъ предстоящей

переправой русскихъ войскъ черезъ Дунай; было уже выбрано мѣсто, откуда начинать переправу, но оставалось еще рѣшить, къ какому именно пункту ее направить. Свѣдѣнія о турецкомъ берегѣ были сбивчивы и неполны. Государь вспомнилъ о Гладкомъ и призвалъ его къ себѣ. «Хорошо ты знаешь тотъ берегъ Дуная?» спросилъ Государь. «Знаю, Ваше Величество». — «Укрѣпленъ онъ?» — «Да, укрѣпленія идутъ по всему берегу; укрѣпленія сильныя, есть въ нихъ и орудія». — «А не можешь ли ты указать мѣсто, гдѣ укрѣпленія слабѣе и турки менѣе всего ожидаютъ переправы?»

Осипъ посмотрѣлъ на данную ему Государемъ карту и провелъ на ней карандашомъ черту.

— «Да здѣсь вѣдь топь? Отъ Дуная до сухого берега верстъ двадцать будетъ!» сказалъ Императоръ.

— «Это мѣсто, Ваше Величество, — сказалъ Осипъ — кромѣ насъ, запорожцевъ, никто не знаетъ. Тутъ берегъ Дуная поросъ камышомъ и залитъ водою. Ширина будетъ, дѣйствительно, верстъ двадцать, а то и болѣе. На лодкахъ здѣсь идти нельзя, а въ бродъ глубоко. Одни мы хорошо знаемъ это мѣсто: тамъ мы охотились за кабанами. Поперекъ тутъ идетъ земляной валъ; въ иныхъ мѣстахъ онъ идетъ подъ водою, а въ другихъ чуть покрытъ ею, но вездѣ можно пройти въ бродъ. Въ одномъ мѣстѣ валъ расширяется въ полянку, на которой можно установить скрытно отъ турокъ нѣсколько полковъ».

«А отчего ты не въ атаманскомъ кафтанѣ?» вдругъ спросилъ Государь.

«Кошевымъ атаманомъ, Ваше Величество, меня утвердилъ султанъ. Смѣлъ ли я явиться передъ лицомъ Вашего Величества, какъ атаманъ; я для моего Государя послѣдній казакъ, какъ и всѣ».

Государю понравился этотъ отвѣтъ, и онъ сказалъ: «Ты будешь хорошимъ слугою Мнѣ и родинѣ. Кошъ тебя выбралъ, а Я тебя утверждаю».

Осипъ упалъ къ ногамъ Государя и поцѣловалъ его руку.

Въ ту же ночь Осипъ съ двумя казаками тихо подкрадывался въ челнокѣ къ турецкому берегу. Три дня блуждали они по болотамъ, пока не отыскали то мѣсто, гдѣ валъ упирался въ твердый берегъ Дуная. Осипъ прошелъ съ казаками по валу до знакомой поляны, сдѣлавъ замѣтки на камышѣ по всему пути. Покончивъ съ этимъ, Гладкій поспѣшилъ вернуться на русскій берегъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая у берега Дуная стояли запорожскія лодки, готовыя къ перевозкѣ нашихъ войскъ. Ровно въ четыре часа раздался первый пушечный выстрѣлъ въ присутствіи Императора, и переправа началась.

Переправа была совершена быстро, несмотря на губительный огонь турецкихъ батарей, сильное теченіе и порывистый вѣтеръ. Запорожцы всѣхъ изумляли своею смѣлостью и умѣлымъ управленіемъ лодкой. Все, что разсказывалъ Осипъ о валѣ, такъ и было. Переправа шла безостановочно, и скоро на турецкихъ укрѣпленіяхъ развѣвались побѣдныя русскія знамена.

Тогда Государь сѣлъ въ лодку, на которой красовался Императорскій флагъ. Рулевымъ былъ самъ Гладкій, а гребцами пять куренныхъ атамановъ и семь старшинъ. Лодка быстро доставила Государя на тотъ берегъ; на этой же лодкѣ Государь, осмотрѣвъ взятыя укрѣпленія, вернулся обратно.

По возвращеніи Государь собственноручно возложилъ на Осипа Гладкаго полковничьи эполеты и георгіевскій крестъ четвертой степени и сказалъ:

«Благодарю, атаманъ! Храбрость твою и распорядительность Я видѣлъ своими глазами!»

«Поздравляю и васъ, молодцы, — обратился онъ къ остальнымъ атаманамъ и старшинамъ, — георгіевскими кавалерами!»

Громкое «ура» запорожцевъ было отвѣтомъ на милостивыя слова Императора.

Остается еще немного добавить о дальнѣйшей судьбѣ запорожцевъ.

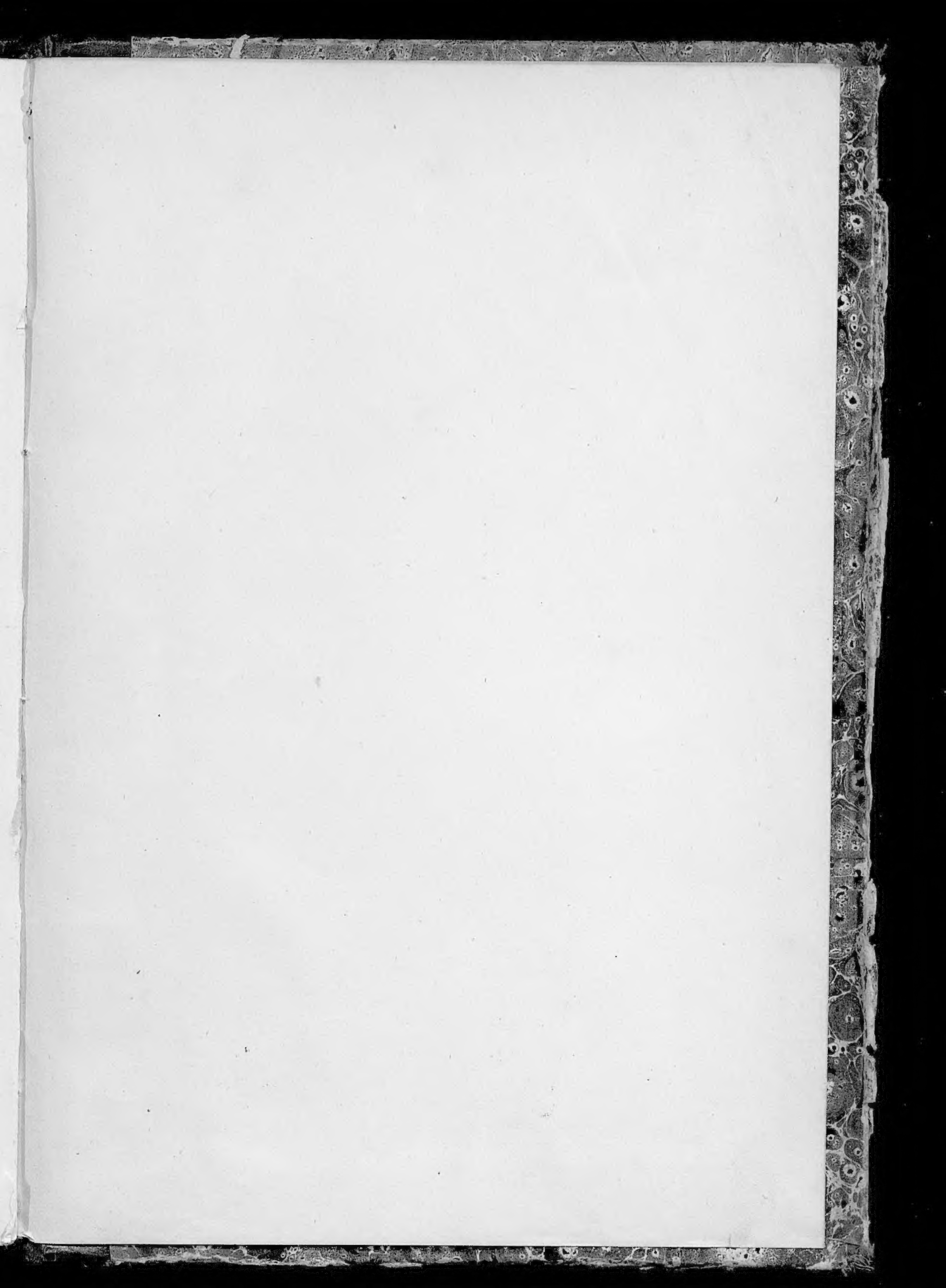
По порученію Государя Императора, въ 1829 году полковникъ Гладкій ѣздилъ на Кавказъ выбирать земли для поселенія запорожцевъ и затѣмъ явился къ Государю въ Петербургъ.

Гладкій просилъ отвести земли не на Кавказѣ, а по берегу Азовскаго моря, около города Бердянска. Государь согласился на это и, кромѣ того, подарилъ самому Гладкому богатое имѣніе въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи (хуторъ Полтавецъ). Но этимъ не ограничились милости Государя: онъ произвелъ Гладкаго въ генералы и назначилъ его наказнымъ атаманомъ войска Запорожскаго, переименованнаго въ Азовское.

Послѣ покоренія Кавказа Азовское войско было переселено на завоеванныя земли для того, чтобы, храня святые завѣты старыхъ запорожцевъ, казаки могли, какъ и въ старину, грудью защищать границы христіанскія отъ поганыхъ турокъ и другихъ нехристей.

Впослѣдствіи Азовское войско вошло въ составъ Кубанскаго.

Въ 1867 году въ своемъ имѣніи скончался отъ холеры Осипъ Михайловичъ Гладкій, наказной атаманъ Азовскаго войска и послѣдній кошевой Сѣчи.

[illegible]

[illegible] турки [illegible].

[illegible] Государя Императора [illegible] году [illegible]

[illegible]

[illegible] въ Петербургъ.

[illegible]

[illegible]

Послѣ [illegible]

[illegible] турки и [illegible].

[illegible]

Въ 18[illegible] году [illegible] Ивана Михайловича [illegible] войска [illegible].

